

№3
март 2025

РУССКИЙ КЛУБ

ig: @Lenalovescats

УЛИЦА ВЕСЕННЯЯ В ТБИЛИССКОМ РАЙОНЕ САБУРТАЛО
Фото: Гога ЧАНАДИРИ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДZE
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Александр ЭБАНОИДZE

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
**Князь Никита ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ**

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДZE
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№3 (233)
март 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПЕРВЫЕ ЛЕДИ ГРУЗИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 12 ЛЕГЕНДА СПОРТА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 15 В НЕБЕ – ОТВАЖНЫЕ ЛЕТЧИЦЫ
РУСУДАН ЖОРДАНИЯ
- 20 «PAST PERFECT»: ПРОШЕДШЕЕ СОВЕРШЕННОЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 «РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»
НИНЕЛЬ МЕЛКАДZE
- 29 ПРОЩАЙ, МОСКОВСКИЙ ДОМ КИНО!
КОРА ЦЕРЕТЕЛИ
- 30 КОГДА СТРАНА ЕДИНА И КОГДА РАЗДЕЛЕНА...
АНАСТАСИЯ АНТИДZE
- 37 ТБИЛИСИ – ДОМ НАШ НЕБЕСНЫЙ
МАНАНА ГЕДЕВАНИШВИЛИ
- 43 ЦАРСТВО ЭЛИЧКИ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 46 ВЕКОВАЯ ПЕЧАЛЬ...
НОДАР НИКУРАДZE
- 49 «ХВИЧА, Я МЕЧТАЮ ВСТРЕТИТЬСЯ С ТОБОЙ!»
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 52 ГОСПОЖА УСЫСКИНА
АРЧИЛ СУЛАКАУРИ
- 54 ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

На обложке – ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ЗИМЫ В ТБИЛИСИ
Фото: **Дмитрия ЗВЕРЕВА**

ОТ ДО

Роб АВАДЯЕВ

ПИСАТЕЛЬ И РЕПОРТЕР

Ровно 140 лет назад в начале 1885 года родился знаменитый американский писатель Гарри Синклер Льюис. Он появился на свет в Сок-Сентр штат Миннесота в семье Эдвина Дж. Льюиса и Эммы Кермтт Льюис. Его отец, дед и старший брат были городскими врачами. Ему на роду было написано продолжить семейную традицию выбора профессии, но вышло иначе. Льюис рос замкнутым ребенком и предпочитал общению со сверстниками чтение книг. У него оказался писательский дар и первые свои произведения начал писать, когда учился еще в старшей школе. Некоторые из его статей были опубликованы в газетках Sauk Center. После окончания школы Льюис покинул Миннесоту и поступил в Йельский университет, где учился с перерывом, но успешно окончил. Свою профессиональную карьеру Синклер Льюис начинал именно, как журналист. И первые его произведения рассказывают об упорном и предприимчивом одиночке, выходец из самых низов. Воспевание индивидуализма было

типично для Америки того времени. Но позже Синклер Льюис прославился как мастер социальной прозы. Его первые четыре романа не имели большого успеха ни у читателей, ни у критиков. Успех пришел к нему лишь после выхода книги «Мэйн-стрит» в 1920 году. Но через два года он написал, наверное, самый главный свой роман «Бэббит», где в сатирической манере описал пустоту жизни среднего класса и моду на конформизм. Далее выходит еще несколько произведений Синклера – «Эроумит», «Элмер Гантри», «Додсворт». И наконец, как вершина его профессиональной карьеры, ему была присуждена Нобелевская премия по литературе за 1930 год, первому из американских литераторов. Но эта награда принесла ему мало счастья – ехидные критики считали, что награду должен был получить более талантливый Теодор Драйзер. Льюис еще немало написал, но выйти на уровень своего успеха в 20-е годы уже не смог. Последние годы своей жизни он провел в Европе. И, по слухам, много пил. Но его нобелевская речь стала не менее известной, чем его литературное творчество. Она называлась «Страх американцев перед литературой» и вызвала немалый резонанс на родине, поскольку в ней Льюис выступил против тех, кто «боится любой литературы, кроме той, которая превозносит все американское, в равной степени недостатки и достоинства».

120 ЛЕТ АЙН РЭНД

Кто из поклонников капиталистических идеалов не знает эту американскую писательницу и философа по имени Айн Рэнд. На самом деле ее имя при рождении звучало иначе – Алиса Зиновьевна Розенбаум. И родилась она 120 лет назад, зимой 1905 года в Санкт-Петербурге в семье еврейского аптекаря. В революционной России Алиса окончила 3-х летний курс в Петроградском университете по специальности «социальная педагогика», а также «Школу экранного искусства», и в 1925 году уехала в Америку по студенческой визе. Уехала и решила не возвращаться.

Поначалу Алиса Розенбаум перебивалась случайной работой и подрабатывала статисткой в Голливуде, решив быть поближе к кино – с собой из России она привезла несколько киносценариев. Постепенно она доросла до главного костюмера киностудии. Но в 1927 году студия закрылась, и до 1932 года Алиса перебивалась на разных временных работах: официанткой, продавщицей газетных подписок. Ее российские сценарии показались кинопродю-

серам неинтересными, пока она не написала новый, по которому сняли в 1932 году фильм «Красная пешка». На вполне приличный гонорар Алиса, ставшая в Америке Айн Рэнд, уже могла оставить случайные работы и начать писательскую карьеру. И здесь ее ждал большой успех. Сначала с выходом романа «Источник» про архитектора-новатора в 1943 году, по которому был снят известный фильм, а в 1957 году из-под пера Рэнд вышла ее самая знаменитая работа – роман «Атлант расправил плечи». И вот в нем Айн Рэнд высказала свои ключевые идеи философии рационального индивидуализма, противостоящего коллективизму. Она из Советской России вынесла такую ненависть к коллективизму в ущерб интересам индивида, что в своих произведениях яростно декларировала «сакральность индивидуализма». И, представьте, ее идеи оказали огромное влияние на формирование позитивного лица агрессивного капитализма. Ее идеями восхищались многие известные политические деятели США. Философия Рэнд оказала глубокое влияние на либертарианское движение. Сама же Айн Рэнд никогда не относилась к либертарианству и крайне отрицательно отзывалась о нем. Но назвать ее деятельностью исторически прогрессивной не получится, она принимала участие в послевоенных гонениях на киносценаристов и режиссеров, обвинявшихся в симпатии к коммунизму, и оправдывала жестокость европейских колонистов против индейцев во время освоения американских земель. Хотя и осуждала войну во Вьетнаме.

НАХОДЧИВЫЙ ЭЗОП

Легендарный греческий баснописец Эзоп родился примерно в 600 году до новой эры, точнее день его рождения установить не удается, ибо сам факт его существования на свете никак не доказуем. Хотя древние греки не сомневались в его существовании. Правда, в этом сомневался знаменитый религиозный реформатор Лютер в 16 веке, но, скорее всего, он был неправ и Эзоп, конечно же, был. Однако за давностью лет, никаких оригиналов или достоверных текстов от него не сохранилось, а только в позднейших латинских и греческих пересказах. Посему, признаем, что хоть доказательств его исторического существования нет, но великие басни – есть! И рассказы о нем, пусть и легендарные, тоже есть. О Эзопе упоминали Геродот и Гераклid Понтийский. По легенде он родился в Малой Азии или во Фракии, где именно – неизвестно. Эзоп описывали как низкорослого горбуна, продавшего себя от бедности в рабство богачу Ксанфу. Этот раб отличался скверным нравом, всем дерзил и всех высмеивал, декламировал очень смешные басни собственного сочинения, а еще был необычайно умен и часто давал дельные советы. Его хозяин Ксанф очень дорожил Эзопом, который часто выручал его в трудных ситуациях. Однажды был такой случай: хозяин крепко выпил с приятелями и сообщил во всеуслышанье, что готов выпить целое море. Те наутро пришли к похмельному хвосту с требованием выполнить обещанное. На что явившийся в комнату хозяина Эзоп грубо их послал сначала перекрыть все реки и ручьи, впадавшие в море. Дескать, их его хозяин пить не обещал. Ксанф все никак не желал освобождать такого умного, хоть и грубого раба, но окружающие очень настаивали, что автор таких смешных и мудрых басен достоин свободы. Все решил местный тиран Идмон Глухой. Он освободил Эзоп, и тот, по одним печальным

легендам, вскоре был убит коринфянами, возможно, за длинный язык. Но приятнее думать, что баснописец, по другим легендам, сначала был назначен советником Идмона, а после отправился в Египет и Вавилон.

Многие баснописцы в дальнейшей истории охотно пользовались его сюжетами. И француз Лафонтен и наш Иван Андреевич Крылов. Одна басня про лису и виноград чего стоит.

Как написал один из мудрецов 19 века: «Эзоп считается первым сочинителем басен. Ими называют короткий стихотворный рассказ с поучительным содержанием. Там выступают разные животные и растения, а на деле высмеиваются пороки человека». Скрытый подтекст басен в честь создателя называют эзоповым языком.

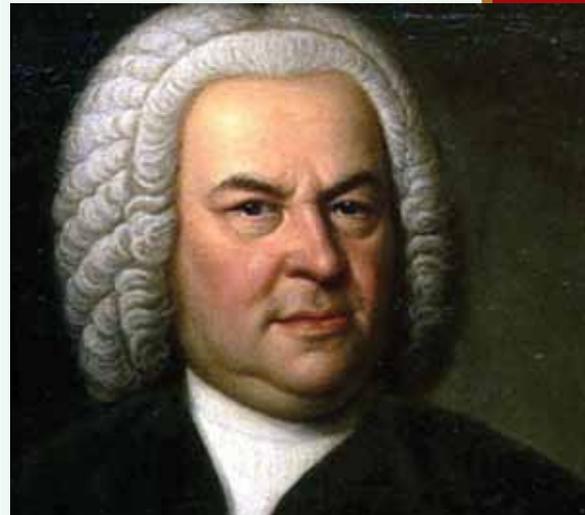
НЕ РУЧЕЙ, НО МОРЕ

Его фамилия в переводе с немецкого означает «ручей». И он не был единственным носителем этого имени среди музыкантов 17-18 веков в Германии. Многие из его рода были исполнителями-виртуозами и композиторами. И даже их фамилия стала нарицательным названием музыкантов – Бах. Но мы вспоминаем о самом великом и гениальном композиторе не только среди немецких композиторов, но и во всем мире.

Итак, Иоганн Себастьян Бах родился в конце марта 1685 года в Айзенахе. Его отец, Иоганн Амброзиус Бах, был придворным и городским музыкантом и умер, когда нашему Баху, потерявшему мать еще раньше, не исполнилось и десяти лет. Его опекуном стал старший брат. Именно брат и стал его первым учителем игры на клавире. Музыкальный талант мальчика проявился рано: стоило брату дать ему одну пьесу, как Иоганн сразу требовал другую, более сложную. Но брат был строгим, и не давал мальчику форсировать свои умения. А тот страстно хотел ознакомиться с сочинениями других композиторов из заветной тетрадки брата. Он ночами при скудном освещении полгода переписывал ноты, что в итоге сказалось на зрении, как известно, Бах в старости совсем ослеп. После смерти брата, юный Иоганн отправился в другие города Германии в поисках работы и возможности поднять мастерство игры на клавире и органе. Сначала в Лüneбурге, Гамбурге и Целле. Он на три месяца стал учеником у знаменитого Дитриха Букстехеде в Любеке. Но у них отношения не сложились, потому что старый органист захотел выдать за юношу свою дочь, а Иоганн не желал потерять свободу. В итоге, в течение десяти лет Бах стал органистом в Вейма-

ре, где достиг мастерства в игре на органе и написал немало прекрасных произведений. Но позже Бах пригласил князь Леопольд Анхальт-Кетенский стать капельмейстером у него в Кетене. Там, после шести лет успешной работы, в 1723 году занял пост кантора школы Святого Фомы в Лейпциге, где трудился до конца жизни. Наследие Баха огромно и великолепно. Каждый творец имеет право на шедевры и более слабые и малозначительные произведения. Но в случае Иоганна Себастьяна такого нет – его музыкальные произведения совершенны, хотя и не принесли ему большого богатства. Однажды Бах даже вынужден был отправиться с просьбой к королю Фридриху Великому. Тот был вполне приличным музыкантом-флейтистом, и Бах рассчитывал, что король выделит средства для публикации его гениальных «Страстей по Матфею». Но Фридрих лишь предложил гостю написать фугу на заданную им тему. Бах откликнулся на просьбу и за день другой написал знаменитый цикл «Музыкальное приношение». А король, жмот, денег не дал, и Бах уехал не солоно хлебавши, но обессмертив неблагодарного монарха.

А еще у Баха была огромная семья – двадцать детей! Правда, не

все выжили. Но остальных он поднял на ноги, выучил и выпустил в жизнь. Трое из них стали знаменитыми композиторами, а младший, Иоганн Кристиан, даже в Лондоне занимался и возился с малышом Моцартом.

«Иоганн Себастьян Бах оставил неизгладимый след в музыке. Его многочисленные дети унаследовали его талант, а музыка стала символом совершенства и глубины» – говорил о нем Феликс Мендельсон, впервые в 19 веке публично исполнивший произведения забытого с годами гения. А Бетховен говорил о нем: «Не ручей – море должно быть имя ему!»

Президентский дворец

ПЕРВЫЕ ЛЕДИ ГРУЗИИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Первая леди (от английского «First Lady») – термин, который обычно используют по отношению к супруге главы государства: премьер-министра или президента. Изначально словосочетание First Lady применялось для обозначения жен президентов США, но позднее этим неофициальным «титолом» стали называть жену главы любого государства. Примечательно, что в некоторых странах супругу президента именуют «по-своему», например, в странах Латинской Америки – «примера дама», а во Франции – «премьер дам».

Служба протокола традиционно составляет специальные программы для первой леди, которые состоят из различных деловых встреч, посещения социальных, благотворительных и культурных мероприятий, вечерних приемов. «Если для мужчин дресс-код практически всегда ограничивается качественным брючным костюмом, женам политиков приходится изрядно поломать голову, прежде чем выбрать подходящий под событие образ. Во время дипломатических поездок наряды и аксессуары первых леди тщательно изучаются с точки зрения политического и культурного значения», – пишет популярный женский журнал «Мари

Клэр». Под увеличительным стеклом наблюдают не только за нарядами первой дамы, но и за ее образом жизни, общественной деятельностью, за тем, какую лепту она вносит в развитие государства.

С момента объявления независимости Грузии в 1991 году, у страны было пять первых леди. Каждая из них оставила свой след в истории Грузии.

ПЕРВАЯ ПЕРВАЯ ЛЕДИ

В день инаугурации первого президента республики Звиада Гамсахурдия у страны появилась первая леди, Манана Арчвадзе-Гамсахурдия. На исторических кадрах церемонии вступления президента в должность видно, как Звиад Констан-

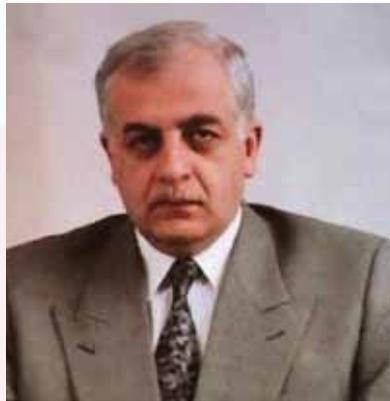
тинович читает текст присяги, а Манана вместе с соратниками сидит в почетной ложе. По профессии врач-педиатр, она достаточно активно участвовала в политической жизни молодого государства, стояла рядом с супругом во время многочисленных митингов, выступала с речами. В кулуарах говорили о том, что жена Звиада принимала деятельное участие в процессе принятия решений. Особую критику со стороны общественности она заслужила из-за того, что, наряду с членами Верховного Совета и правительства страны, подписала Акт о восстановлении независимости Грузии.

В одном из редких интервью, которое она дала переда-

че «Прайм-шоу» телекомпании «Имеди», Манана рассказала историю своей жизни. Семья Арчвадзе перенесла тяжелые невзгоды в годы репрессий. Старшие братья отца были сосланы в лагерь, где и погибли. Бабушка осталась с двумя детьми на руках: сыном (отцом Мананы) и дочерью. «Я не видела бабушку, но ее характеризовали, как очень сильную, строгую женщину. Мама происходила из более благополучной семьи Суладзе, которой не коснулись преследования. Моя старшая сестра, бесстрашная женщина, пожертвовала личным счастьем ради того, чтобы поддержать нас с Звиадом и наших сыновей». Воспитателем для Мананы родители наняли русскую женщину Аню, которая одинаково хорошо владела и русским, и грузинским языками. Будущая первая леди обожала грузинский язык и литературу. Помимо школьного, она получила музыкальное образование по классу фортепиано, параллельно занимаясь шахматами. Когда нужно было сделать выбор между двумя увлечениями, Манане пришлось пожертвовать шахматами, несмотря на то, что она имела второй юношеский разряд. По окончании школы девушка поступила на педиатрический факультет медицинского института. Знакомство со Звиадом произошло при трагических обстоятельствах. Мать Звиада, Миранда Палавандишвили, была тяжело больна, для нее из Швейцарии выписывали лекарства. К сожалению, семья Мананы столкнулась с этой же болезнью, ее близкие родственники оказались друзьями Тамрико Гамсахурдия (сестры Звиада) и посоветовали обратиться к ней, чтобы достать лекарства для больной матери. Тамрико сообщила, что вопросами лечения Миранды полностью занимался Звиад, и обещала познакомить Манану с братом. «Наша встреча навсегда осталась в моей памяти. Открылись ворота «Колхури кошки» (фамильный особняк семьи Гамсахурдия), вышел Звиад в сванской шапке и накинутым на плечи пальто. Я ждала, что он скажет, как надо принимать лекарство, или посоветует другой препарат. Но

мы поздоровались, наступила мертвая тишина, он пристально смотрел на меня. От неожиданности я почувствовала себя неловко. Под конец он пригласил нас в дом (со мной была моя кузина, подруга Тамрико), объяснил все относительно лекарства, но передать препарат отказался, сказав, что лично должен встретиться с мамой. Позднее я спросила его, почему он так пристально на меня смотрел. Он ответил: «Настолько был обворожен и увидел в тебе такое сходство с моей мамой, что потерял дар речи»».

Потом Звиад стал приходить к матери Мананы, беседовать с ней. Это были очень тяжелые

Звиад Гамсахурдия

дни для семьи Арчвадзе – когда матери поставили роковой диагноз, отец так перенервничал, что его ударил инсульт, и он через несколько дней умер, в 54 года. А через три месяца умерла и мать – за такой короткий промежуток Манана с сестрой потеряли обоих родителей.

Манана знала о диссидентской деятельности Звиада и о том, что он определенное время находился в заключении. Вскоре после знакомства Гамсахурдия проникся доверием к ней, приносил негативы с запрещенной литературой. Его визиты не остались незамеченными для милиции, и за домом Арчвадзе установили наблюдение. «Мы поженились спустя четыре года после знакомства. Мой будущий свекр, всеми любимый писатель Константин Гамсахурдия, принял меня как дочь и часто приходил к нам. Мегрельский язык я понимаю, но стесняюсь на нем говорить. Звиад мне все время говорил в шутку: «Ты,

Манана Арчвадзе

кажется, меня «орачвелила», а я тебя «омегрелил»». Звиад был великолепным отцом, единственное, о чем он сожалел, что не мог уделить сыновьям достаточно времени. Однако зорко следил за их учебной и становлением. Стремился к тому, чтобы они были успешными, воспитанными, стали бы достойными потомками семьи Гамсахурдия.

На вопрос: «Чтобы вы сказали ему, если бы он был жив сегодня?» – Манана ответила: «Звиад, мы должны продолжить борьбу до окончательной победы Грузии».

«ПРИНЕСУ ТЕБЕ МИМОЗУ, МАМА!»

В 1951 году молодой партийный работник Эдуард Шеварднадзе вместе с сестрой проводил отпуск в Боржомском ущелье, в Цагвери. Там он и познакомился с Нанули Цагареишвили. И вскоре в красивейшем и романтическом месте, Боржомском парке, сделал ей предложение. «Тогда мы были довольно красивыми, Нанули была привлекательной девушкой, да и меня тоже нельзя было назвать невзрачным. Через два-три дня после моего признания она мне сказала: «Ты признался мне в любви. Но ты избрал для себя такую стезю

Нанули Шеварднадзе

(партийную деятельность), что моя биография может тебе помешать». Отец Нанули, Ражден Цагареишвили, офицер Красной армии, был арестован и расстрелян в 1937 году как «враг народа», мать скончалась от туберкулеза, и Нанули с братом и сестрой остались сиротами. Сама будущая первая леди так вспоминала этот разговор: «После моих слов о нашей семье Эдуард замолчал, и я увидела, как он побледнел. Минуты две он молча стоял, а потом сказал – ну, что поделаешь, лучше карьере потерять, чем любовь».

Шеварднадзе рассказывал, что никакого похода в ЗАГС не было. Нанули предлагала расписаться, он отвечал – конечно, но как-то так получилось, что они так и не добрались до ЗАГСа. Расписались лишь спустя тридцать лет. «И свадьбы у нас не было, просто собрались за столом моя сестра, брат Нанули, и несколько близких друзей семьи. Где-то достали одну или две бутылки вина, вот и все наше свадебное торжество», – вспоминал Шеварднадзе.

Нанули Шеварднадзе была журналистом, публицистом и переводчиком. В 60-х годах работала в редакции популярного журнала «Женщина Грузии». Когда Эдуард Шеварднадзе занимал пост главы внешнеполитического ведомства СССР, она поддерживала дружеские отношения с супругами многих американских высокопостав-

ленных политических деятелей. Став первой леди Грузии, Нанули занималась организацией благотворительных мероприятий, основала Международное движение «Женщины Грузии за мир и жизнь» и руководила им. Также была главным редактором газеты «Мшвидоба ковелта» («Мир всем»). Когда вследствие Революции роз Шеварднадзе подал в отставку, он отмечал, что супруга с самого начала советовала ему оставить пост президента. Она вела активную работу по пере-

Эдуард Шеварднадзе

воду произведений русских классиков на грузинский язык, в частности, перевела сочинения Ивана Бунина, Алексея Толстого. Писала новеллы, рассказы. Название одного из лучших ее произведений, автобиографической новеллы «Принесу тебе мимозу, мама», посвященной жизни и деятельности Нанули Шеварднадзе.

Если вы начнете читать эту новеллу, то не сможете оторваться – столько в ней боли, нежности, отчаяния. Приведем лишь несколько отрывков, в которых читатель увидит совсем другую Нанули Шеварднадзе – не первую леди государства, общественного деятеля и благотворителя, а молоденькую хрупкую девушку, которая изо всех сил старается спасти от смерти тяжело больную мать и вытаскать из нищеты свою семью.

«Как хочу поговорить с тобой, мама! Уже полвека живу без тебя. Знаешь, я подсчитала – я

сейчас на 17 лет старше тебя... Что поделать, если мое время пребывания рядом с тобой закончилось, когда мне было 19, а тебе – 45. Полусироты, мы остались без крова, нас приютил дядя. Человек философского склада ума, что называется, «вольнодумец», он до тех пор ругал Сталина, пока его самого не сослали в Сибирь. И две семьи остались без кормильца. Потом были война, голод, холод, нищета. Ты работала на двух работах, больная, слабая, потухшая. Шли годы. Дядя вернулся из ссылки, измученный, жалкий, с двумя кавернами в легком. В лагере про него сказали, «этого отпустим, все равно умрет, так пусть умирает дома». Что ему оставалось делать, он попросил нас освободить комнату: он мог ее сдавать и получать 500 рублей. Тогда я была в 9 классе, видела, как ты на стенки лезла от отчаянья, вопрошая: «Куда идти, куда?!» Нам нужно было где-то найти угол. Как тяжело было бы жить, если бы на свете не было добрых людей. Один твой знакомый, который работал архивариусом в Министерстве местной промышленности, добыл тебе комнатку в 18 метров на улице Бочоришвили. Комната была без окон, влажная. Но мы с сестрой чуть с ума не сошли от радости – наконец-то у нас будет своя квартира, и никто не скажет «уходите». Но ты казалась удрученной – «ох, дети, здесь я долго не проживу». В тот год кончилась война, твой сын вернулся живым и невредимым. Ты, конечно, радовалась, но здоровье было уже настолько подорвано, что на работе ты попала под сокращение штатов. Весь день сидела во дворе и вязала жакеты – на что-то же нужно было существовать. Потом приходила какая-то женщина, уносила их на продажу. В один из дней ты закашлялась, поднесла ко рту платок, и он окрасился кровью... Вот почему кашляет и Додо, младшая сестра. «Нет, нет, я что-то должна предпринять», – лихорадочно соображала я. Господи, маме недолго осталось жить, и Додо погибнет. В сундуке обнаружила каким-то чудом сохранившуюся новую скатерть с 24 салфетка-

ми. «Нужно ее продать и отправить маму в санаторий». Щеки горели, в ушах звенело. «Да, но как это сделать?» На дворе стоял 1946 год. Поговаривали о денежной реформе, и богатые скупали все без разбору. Стояла я, 17-летняя девочка, тонкая, как свеча, и держала в руках завернутую в газету скатерть. Приблизилась какая-то пожилая женщина. «Деточка, что у тебя завернуто? Скатерть!» – «Знаете, тетя, она с 24 салфетками, на ней изображена Тайная вечеря Иисуса Христа. Очень красивая». – «Сколько ты за нее хочешь, деточка?» – она смотрела на меня с нескрываемой жалостью, явно богатая женщина. – «Сколько хватит для путевки!» – «Что?» – не поняла женщина. – «Мне больную маму нужно отправить в санаторий на лечение». Она быстрым движением открыла кошелек, отсчитала 180 рублей и также быстро удалилась. Я стояла такая счастливая и, одновременно, оскорбленная. Почувствовала, как земля уходит из-под ног... Плакала от унижения, из-за приближающейся смерти мамы, из-за того, что не знала, что будет с Додо... «Что плачешь, генацвале! Может, я чем помогу?» – улыбнулся какой-то мужик. – «Убирайся!» – нечеловеческим голосом вдруг закричала я. Мужик явно испугался, отступил назад: «Извини, не хотел тебя обидеть».

Через три года ты ушла, мама! Завтра обязательно приду на твою могилу и принесу мимозу...»

«РАСКАЗ ИДЕАЛИСТКИ»

В январе 2004 года в Тбилиси, перед зданием парламента состоялась церемония инаугурации третьего президента Грузии Михаила Саакашвили. В ложе почетных гостей выделялась молодая женщина в белом пальто с букетом красных роз в руках, она заботливо держала за руку сына и буквально светила от счастья – Sandra Элисабет Рулофс, супруга молодого президента. Она стала первой иностранкой в статусе первой леди и, по оценке многих экспертов, могла конкурировать с мужем по популярности среди населения Грузии.

Рулофс родилась в голландском городе Тернезен, расположенном в провинции Зеландия, на южном берегу Западной Шельды (примечательно, что в справочнике Википедия, в статье, посвященной этому городу, Sandra упоминается первой в списке известных жителей Тернезена). С отличием окончила Брюссельский государственный экономический институт переводчиков по специальности французский и немецкий языки. Помимо родного голландского языка, она владеет французским, английским, немецким, русским и грузинским. Познакомилась с будущим супругом в 1993 году в Страсбурге, где преподавала в Международном институте прав человека. Позднее они с Мишей

Михаил Саакашвили

переехали в Нью-Йорк – там Sandra работала в Колумбийском университете, а затем в голландской юридической фирме. В 1996 году супруги вернулись в Грузию. Sandra вела активный образ жизни, работала сначала консультантом в Международном комитете Красного Креста, а затем помощником почетного консула Королевства Нидерландов в Тбилиси. На протяжении четырех лет читала курс лекций в Тбилисском государственном университете на кафедре романских языков. В 1998 году Рулофс основала благотворительный фонд «SOCO», который курирует гуманитарные проекты, финансируемые западноевропейскими и грузинскими компаниями и частными лицами.

Сандра Рулофс

В 2005 году в Амстердаме Sandra издала на голландском языке автобиографическую книгу «Первая леди Грузии – рассказ идеалистки», которая была переведена на шесть языков. Активно курировала в Грузии программы, связанные со здравоохранением, в частности, была председателем координационного совета проектов, финансируемых Глобальным фондом по борьбе с СПИДом, туберкулезом, малярией. По ее инициативе была воплощена в жизнь государственная программа скрининга, благодаря которой жительницы Грузии могли бесплатно пройти обследование молочной железы и шейки матки, что спасло жизнь тысячам женщин.

Уже в статусе первой леди Sandra с отличием окончила трехлетние курсы по подготовке фельдшеров. В передаче «Шоу Вану» на канале «Рустави 2» она рассказала о своей работе фельдшером в родильном блоке больницы имени Ираклия Гудушаури.

После завершения правления Саакашвили, Sandra с помощью фонда «SOCO» создала мобильные группы врачей разного профиля и ездила по реги-

онам Грузии, проводя обследования населения.

В передаче Майи Асатиани «Профиль» Рулофс, рассказывая о своей жизни, отметила, что ее бойцовский характер – заслуга родителей, которые проявили к ней доверие и в 16 лет отправили на лето во Францию учить язык. Благодаря этому она научилась независимости. «С Мишей мы познакомились в Страсбурге, он и тогда был идеалистом, говорил, что после учебы в Америке хочет вернуться на родину и быть полезным стране в качестве юриста. Меня привлекла его внешность, драйв, энергия, он знал, чего хотел. Когда мы приехали в Тбилиси, было действительно трудное время. Венчались в маленькой церкви недалеко от Сиони, на мне было подвенечное платье кремового цвета. Свадьбу праздновали в здании Союза журналистов Грузии на площади Ираклия II, пригласили 50 гостей, это было в 1994 году. Люди еще хорошо помнили стрельбу на улицах, поэтому, когда во время застолья лопнули несколько шариков, в зале

Мака Чичуа

наступила напряженная тишина». Сандра сказала, что тогда ее родители помогли ей, и она могла позволить себе такую роскошь, как генератор: «Помню, я возилась с шнурами, подключала их к «движку», и когда, наконец, все было готово к работе, неожиданно приходил свет!» Постепенно она привыкла к стране, выучила язык, Миша поднимался вверх по карьерной лестнице. Грузия стала для нее второй родиной, и сейчас она больше живет здесь, чем в Голландии. Продолжает заниматься благотворительностью, отмечая, что для того, чтобы делать добро, статус первой леди вовсе необязателен.

«ЛЮБЛЮ УЕДИНЕНИЕ»

Супруга четвертого прези-

Георгий Маргвелашвили

дента Грузии Георгия Маргвелашвили, Мака Чичуа, человек многогранного таланта – актриса, художница, музыкант. В 80-х годах снималась в картинах Годердзи Чохели, Резо Чхеидзе и Левана Глonti. В передаче «Стори» на канале «Формула» Мака отметила, что роль первой леди, которую ей пришлось выполнять, была очень ответственна, и она считает, что справилась с ней, ведь и сегодня, идя по улице, чувствует большую симпатию со стороны людей. «Этот период жизни прошел совершенно спокойно, несмотря на то, что было много преград. Думаю, что приобрела огромный позитивный опыт. Самое большое ограничение, сопутствующее этой роли, то, что ты являешься супругой публичного должностного лица, президента. Поэтому протокол предусма-

тривает определенные правила, например, соблюдение дресс-кода, проявление терпения в напряженных ситуациях, а поскольку я внутренне свободный, творческий человек, некоторые вещи были для меня утомительны».

Чичуа признается, что принадлежит к числу людей, которые ценят уединение. Она любит общаться с людьми, но большую часть времени предпочитает проводить наедине с собой. «Например, я не люблю гостей, а Георгий их обожает, чувствует себя в компании, как рыба в воде, он очень коммуникабельный, гостеприимный, с прекрасным чувством юмора, это всем нравится. Для него большая компания – одно удовольствие. Я же в это время стараюсь куда-нибудь «сбежать» и что-то делать для себя: рисовать, читать».

Георгий и Мака познакомились благодаря своим дочерям от предыдущих браков, которые дружили. Мака отметила, что их с Георгием решение создать семью дети восприняли очень хорошо, и они великолепно ладят между собой. В течение некоторого времени они с Маргвелашвили не оформляли официально своих отношений. Пара расписалась, когда Георгий уже стал президентом. Свадебная церемония состоялась в отделении гражданского реестра города Душети (где пара владеет домом), свидетелями были дети Георгия и Маки – Анна Маргвелашвили и Машо Чичуа. В браке родилось двое сыновей – Теймураз и Тома. Как отметил сам Маргвелашвили, «у нас были важные функции, когда я совершал государственные визиты, или к нам приезжали высокопоставленные гости, я знал, что Мака всегда должным образом выполнит возложенные на нее обязательства, несмотря на то, что для нее это было кардинальным изменением привычного уклада жизни. Во время визитов мы всегда представляли нашу страну на достойном уровне».

Ночью, когда вокруг царит тишина и люди спят, Мака берет в руки кисть и начинает рисовать. «Я очень не люблю вставать рано утром, это не мой биоритм, Машо со смехом вспоминает,

Михаил Кавелашвили и Тamar Багратиони. На церемонии инаугурации президента Грузии

как я ночью готовила ей бутерброды для школы». Мака очень критична в отношении своих рисунков, ей никогда до конца не нравится завершенная картина, всякий раз ей кажется, что это не то, что она задумала. Вдохновение она черпает из жизни, из своих ощущений, переживаний. Как-то раз на четыре дня «убежала» от всех на море и написала так много картин с изображением морских пейзажей, что потом говорила: «Кажется, я стала маринистом». Когда Чичуа была первой леди, она сама нарисовала эскизы нескольких своих костюмов. «Я художница и ценю эстетику, цвет и силуэт. Мы с дизайнером Датуней Суликашвили вместе создавали костюмы. Главное, платья нужно было сшить в очень сжатые

сроки, исходя из плотного графика официальных встреч. Датуня превосходно справился с этой нелегкой задачей и очень помог мне в том, чтобы я всегда была в форме».

КНЯЖНА ИЗ РОДА БАГРАТИОНИ

29 декабря минувшего года в должность вступил шестой президент Грузии Михаил Кавелашвили. На церемонии инаугурации в зале заседаний парламента присутствовало все многочисленное семейство нового главы государства. В этот день широкая общественность увидела впервые пятую по счету первую леди республики, представительницу грузинского царского рода Тamar Багратиони. У пары

трое детей – Мариам, Гурам, Элизабет. Кроме того, у Тamar Багратиони есть сын от первого брака – Георгий Иванишвили. Супруга президента является сестрой известной грузинской певицы Лизы Багратиони.

Со времени инаугурации прошло лишь два месяца, поэтому пока рано говорить о деятельности первой леди. Ясно лишь, что наравне с ее предшественницами на нее будет направлено пристальное внимание жителей страны.

В статье использованы фотографии с сайтов Национальной библиотеки Грузии, парламента Грузии и других открытых источников

Нино Салуквадзе

ЛЕГЕНДА СПОРТА

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Нино Салуквадзе – всемирно известная спортсменка, рекордсменка, чемпионка Олимпийских игр 1988 года по стрельбе из спортивного пистолета на 25 метров, серебряный призер той же Олимпиады по стрельбе из пневматического пистолета на 10 метров, бронзовый призер Олимпиады-2008 по стрельбе из пневматического пистолета. Семикратная чемпионка мира и 17-кратная чемпионка Европы, она единственная в мире женщина-спортсменка, которая десять раз подряд участвовала в Олимпиадах, успешно пройдя при этом серьезную конкуренцию в квалификационных международных турнирах.

Закономерно, что Нино официально вошла в Книгу рекордов Гиннеса. Титул рекордсмена ей присвоен одновременно в двух категориях: как спортсменке, принявшей участие в наибольшем количестве (10) Олимпийских игр и как единственной спортсменке, которая участвовала в Олимпиадах десять раз подряд. Ни один спортсмен и

ни одна спортсменка в мире не участвовали в таком количестве Олимпийских игр.

Церемония вручения соответствующих документов и специальной медали Книги рекордов Гиннеса прошла 3 февраля 2025 года в Олимпийском музее Грузии, расположенном в здании Национального Олимпийского комитета Грузии. В церемонии приняли участие президент НОКГ, чемпион Олимпиады-1992, пятикратный чемпион мира и четырехкратный чемпион Европы Лери Хабелов, министр спорта Грузии Шалва Гоголадзе, первый вице-президент НОКГ Элгуджа Беришвили, вице-президент НОКГ Мамука Хабарели, генсек НОКГ Эмзар Зенашвили, титулованные ветераны спорта и молодые атлеты, руководители ряда федераций, представители общественности. Президент Федерации рекордов Грузии Давид Бегиашвили торжественно вручил Нино Салуквадзе документы и медаль.

Выступая на церемонии,

легендарная спортсменка сказала: «Я горжусь тем, что стала первой олимпийской спортсменкой из Грузии, попавшей в Книгу рекордов Гиннеса. Горжусь, что в документе рядом с моей фамилией написано название моей страны – Джорджия. Очень рада, что смогла внести свой вклад в успехи Грузии, в представление нашей страны в мире».

Лери Хабелов поблагодарил Нино Салуквадзе за «огромный вклад в развитие спорта». «Имя Нино особыми буквами вписано в историю грузинского и мирового спорта», – отметил он.

Шалва Гоголадзе выразил надежду, что Нино Салуквадзе еще не раз доставит Грузии много радости – уже в качестве тренера. «Благодарю Нино за уникальную спортивную карьеру и уверен, что она как вице-президент федерации и как тренер принесет нашей стране новые успехи», – сказал он.

Эти слова из выступления Ш. Гоголадзе я привел не случайно – уже решено, что Нино Салуквадзе примет участие в Олимпиаде-2028 в Лос-Анджелесе в качестве тренера.

«До этой Олимпиады еще три года, – сказала мне Нино,

– и впереди у нас очень много работы по подготовке наших спортсменов для успешного выступления в предстоящих квалификационных турнирах для завоевания лицензии на участие в Олимпийских играх 2028 года».

Добавим для полноты картины, что интенсивные занятия спортом, участие в спортивных соревнованиях, работа на посту вице-президента НОКГ не мешали счастливой семейной жизни Нино. У них с супругом, бывшим регбистом Гочей Мачавариани, двое детей – 30-летняя дочь Нино и 27-летний сын Цотнэ. Гоча очень хотел, чтобы сын тоже стал регбистом. И мальчик четыре года занимался регби. Правда, одновременно ходил и в тир. Но получил серьезную травму, был вынужден оставить регби. Основательно занялся пулевой стрельбой и за три года тренировок получил лицензию на участие в Олимпийских играх. Цотнэ выступал на Олимпиаде-2016, успешно пройдя квалификационные этапы. Кстати, это первый в истории Олимпийских игр случай, когда на одних Играх выступали сын и мать, к тому же в одном виде спорта. Как сказала Нино, ее участие в Олимпиаде вместе с сыном было мечтой ее отца, Вахтанга Салуквадзе, заслуженного тренера Грузии и СССР по пулевой стрельбе, мастера спорта международного класса.

Вахтанг Салуквадзе в свое время был шестикратным чемпионом СССР (в 1967 году – в личном первенстве, а в 1962, 1966, 1968, 1970 и 1972 годах – в командном зачете), чемпионом Спартакиады СССР 1967 года в личном первенстве и бронзовым призером Спартакиад 1959 и 1967 годов в командном зачете, вице-чемпионом СССР 1972 года.

Поэтому не удивительно, что дочь Вахтанга Салуквадзе стала спортсменкой. В детстве Нино была очень энергичной и активной девочкой, дома играла в куклы, увлекалась шитьем, а во дворе играла с мальчиками в футбол. «Кроме футбола, в детстве я играла в баскетбол, выступала за школьную баскетбольную команду в городских турнирах и даже стала чемпионкой Тбилиси. По совету

моей мамы, однажды отец взял меня на тренировку по пулевой стрельбе. Хотя он не хотел, чтобы я занималась стрельбой, не думал, что я справлюсь. Да и мне сначала после баскетбола было тяжело и непривычно заниматься таким видом спорта, который требует сдержанности и спокойствия. Но уже через два года я выиграла спартакиаду школьников – так и начался мой путь в большой спорт», – вспоминает Нино.

Вскоре пришел успех – сперва в масштабах Грузии, а потом во всеоюзных и международных соревнованиях. На чемпионате мира 1986 года Нино стала бронзовым призером, а в 1987-м на Кубке мира в Сеуле установила мировой рекорд. На Олимпиаде в Сеуле от 19-летней грузинской спортсменки мало кто ожидал золотой медали, но она сотворила чудо, выиграв золото в стрельбе из спортивного пистолета на дистанции 25 метров и серебро в стрельбе из пневматического пистолета на дистанции 10 метров. «Наверное, если бы кто-то мне тогда сказал, что я приму участие в десяти Олимпиадах, я бы подумала, что этот человек сумасшедший, – говорит Нино. – Но все сложилось именно так».

На Олимпиаде, кроме высокого мастерства, необходимы особое спокойствие и выдержка в конкуренции с опытными

спортсменками, и все эти качества Нино блестяще проявила и в Сеуле, и в последующие десятилетия. Она часто повторяет, что технику можно освоить за полчаса, а самое главное – это психологическая стойкость, умение правильно мыслить, правильно настроиться, правильно провести соревнования.

В 2016 году по решению тогдашнего министра спорта Грузии Тариэла Хечикашвили, Нино Салуквадзе и ее отцу и тренеру Вахтангу Салуквадзе было присвоено звание «Рыцарь спорта» – высшее спортивное звание Грузии.

В 2019 году Нино и ее сын Цотнэ Мачавариани стали бронзовыми призерами прошедших в Минске Европейских игр в смешанной дисциплине (стрельба на 50 метров из малокалиберного пистолета).

В 2023 году Нино заняла 4-е место в стрельбе из пистолета с 25 метров на Европейских играх во Вроцлаве (Польша) и завоевала для Грузии лицензию на участие в Олимпиаде-2024. 27 июля прошлого года она вышла на старт Олимпийских игр в Париже в стрельбе из пневматического пистолета с 10 метров и стала первой женщиной в истории, кто выступил на десяти Олимпиадах, и первой, кто принял участие в десяти Играх подряд.

Нино Салуквадзе признава-

С сыном Цотнэ Мачавариани

лась лучшей спортсменкой Грузии, награждена государственными наградами. За уникальные спортивные достижения НОКГ присвоил ей специальное звание «Гордость спорта Грузии».

Известный кинорежиссер, вице-президент Национальной киноакадемии Грузии Гоги Торадзе поделился с нами воспоминаниями о том, как он снимал документальный фильм о легендарной спортсменке. Съемки начались в 2001 году при содействии студии «Телефильм Грузии». «Когда я сообщил Нино о намерении снять фильм о ее жизни и карьере, – вспоминал режиссер, – она с присущим ей юмором сказала: «Гоги, генацвале, это очень хорошо, но учти, если фильм не получится таким, каким он должен быть, ты рискуешь жизнью, ведь это картина о чемпионке по стрельбе из пистолета». На шутку я ответил всерьез – что располагаю многими архивными материалами, много о ней знаю, что Бог на моей стороне, и фильм должен получиться интересным. В то время, в 2001 году, в Грузии было множество проблем житейского, бытового характера. Съемки затруднялись тем, что

не было отопления, электроэнергия подавалась с перебоями, были и другие трудности. Поэтому работа над фильмом то прекращалась, то возобновлялась и растянулась на долгие годы. Нино продолжала выступать на новых Олимпиадах, в 2016 году она с сыном Цотнэ получили право представлять Грузию на Олимпиаде в Рио на соревнованиях по стрельбе из пистолета. После Рио мы с моей творческой группой приложили максимум усилий для завершения фильма, и это нам удалось».

Работа над 25-минутным фильмом «Снайпер» (автор сценария – Ираклий Соломанашвили, оператор – Александр Баградзе) была завершена в 2018 году при поддержке НОКГ. Первый показ прошел в 2019 году, в год 50-летия Нино, в Тбилиси, в Национальном центре детей и молодежи. Картину заметили, она имела успех и заслуженно стала лауреатом Сиднейского международного кинофестиваля (Sydney Australian Film Festival).

Не скрою, мне, сухумцу, было вдвойне интересно смотреть этот фильм – особенно ту его часть, которая рассказыва-

ла о том, как Нино тренировалась на олимпийской спортивной базе в селе Нижняя Эшера. Я хорошо помню те тренировки, поскольку часто там бывал в качестве журналиста, готовя репортажи о подготовке спортсменов СССР к Олимпийским играм 1988 года для сухумских, тбилисских и московских газет и радиостанций.

Тем приятнее было услышать слова Нино, что для нее олимпийская база в Нижней Эшере стала родным домом, а воспоминания о тех годах и той прекрасной обстановке в Сухуми она до сих пор хранит в своем сердце.

Очень хочется надеяться, что обязательно наступит день мирного объединения Грузии, день, когда в Сухуми и Гагре будут проходить матчи сборных Грузии по разным видам спорта в квалификационных раундах чемпионатов Европы и мира, и на возрожденной спортивной базе в Нижней Эшере смогут проходить подготовку молодые спортсмены под руководством таких выдающихся мастеров, как Нино Салуквадзе.

Старший сержант Лидия Литвяк, младший лейтенант Екатерина Буданова, младший лейтенант Мария Кузнецова у самолета ЯК-1

В НЕБЕ – ОТВАЖНЫЕ ЛЕТЧИЦЫ

Из сборника «В боях за Родину»

■ Русудан ЖОРДАНИЯ

В сентябре 1941 года правительством СССР было принято решение о формировании женских авиационных частей, костяк которых должны были составить летчицы-спортсменки Осоавиахима (Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству) и пилоты ГВФ (Гражданского воздушного флота).

Организация женских авиационных частей была возложена на прославленного военного штурмана, Героя Советского Союза майора Марину Раскову. Ближайшими ее помощниками были Вера Ломако, военные летчицы, сестры Тамара и Милица Казариновы и др.

Предполагалось сформировать три женских полка: истребительный, ночных бомбардировщиков и бомбардировочный.

Сначала был сформирован истребительный авиационный полк, вооруженный истребителями ЯК-1 (по тому времени новин-

ка), впоследствии оснащенный более мощными самолетами ЯК-9. Вслед за ним появился полк ночных бомбардировщиков, оснащенный бывшими учебными самолетами ПО-2, а затем и полк дневных бомбардировщиков. Этот последний вначале предполагалось оснастить самолетами ББ-1 (СУ-2), но авиапромышленность перестала выпускать их, поэтому поступило распоряжение снабдить полк новыми пикирующими бомбардировщиками Пе-2 (Петляков-2). Помню, было высказано много колких замечаний насчет возможностей овладения этой машиной женщинами. Самолет считался сложным в управлении, в особенности при работе на одном моторе (двигателе), требовал быстрой реакции летчика.

И все же девушки хорошо овладели техникой пилотирования Пе-2. Они успешно громили на нем врага, доводя бомбовую нагрузку до 1200 кг на вылет. До того времени ни одна женщина в мире не летала на пикирующих бомбардировщиках.

Первая женщина-летчик в истории авиации Грузии. Одна из основателей гражданской авиации Грузии. Училась в консерватории, работала на Риони ГЭС. В 1937 году окончила Тбилисский аэроклуб. В 20 лет села за штурвал самолета. Прослужила в авиации 24 года, освоила 4 новых типа самолетов, провела в воздухе 5500 часов. Работала в аэропорту Тбилиси. Долгое время была пилотом транспортной авиации. Возглавляла правление авиационно-спортивного клуба при авиационном заводе. Работала на руководящих должностях в системе гражданской авиации Грузии.

Русудан Жордания

Марина Раскова

Истребительному авиаполку был присвоен номер 586. Боевой путь от берегов Волги до столицы Австрии – Вены его воины прошли с честью. На своих грозных ЯК-9 они прикрывали от налетов фашистских бомбардировщиков промышленные центры и железнодорожные узлы Саратов, Воронеж, Касторную, Курск, Киев, Житомир, Котовск, Бельцы, охраняли мосты через Волгу, Дон, Воронеж, Днепр, Днестр. Полк прикрывал также переброску войск Степного и 2-го Украинского фронтов, штурмовал войска противника в районе Корсунь-Шевченковского...

Летчицы полка совершили 4419 боевых вылетов, провели 125 воздушных боев, сбили 28 самолетов противника.

Полком командовала военный летчик с 1930 года Тамара Казаринова, одна из немногих награжденная в 1937 году орденом Ленина.

Штурманом полка была первая летчица-азербайджанка, парашютист-инструктор Зулейха Сеидмамедова, еще до войны награжденная орденом «Знак Почета». В 1941 году Зулейха окончила штурманский факультет Военно-воздушной Академии им. Жуковского.

В этом же полку сражалась первая летчица-таджичка Альмасарида Смагина.

В сентябре 1942 года ночью в небе под Саратовом Валерией Хомяковой был сбит первый самолет противника «Ю-88». В те же дни лучшая эскадрилья,

которой командовала Ольга Ямщикова, была направлена под Сталинград. Девушки попали в группу «свободных охотников». Уже обстрелянные, бывалые летчики вначале с некоторым недоверием поглядывали на девушек. Но вскоре от этого недоверия не осталось и следа. Отважные летчицы отлично выполняли боевые задания. Среди летчиц «свободных охотников» счет сбитых самолетов врага открыла Катя Буданова. А всего она сбила 10 самолетов противника. 6 мая 1943 года она в неравном бою с тремя фашистскими стервятниками погибла смертью героя. Храбро действовала здесь и подруга К. Будановой Лилия Литвяк.

Убедившись в бойцовских качествах летчиц, мужчины-летчики с удовольствием брали их напарниками в бой.

Дважды Герой Советского Союза В.Д. Лавриненков рассказывает в своих воспоминаниях, как трудно было летчицам-истребителям. Воздушный бой требовал от них недюжинной физической силы и выносливости. То, что безропотно выполняли девушки, делало им честь и вызывало огромное уважение.

Летчиц-истребителей было немного, но их боевая деятельность заслуживает самой высокой оценки. Именно они опровергли ошибочное мнение, будто профессия воздушного бойца неприемлема для женщины.

Катя Буданова и Лилия Литвяк были для нас надежными товарищами по оружию и фронтовому небу. Летали они отлично. В воздухе мы всегда рассчитывали на их своевременную поддержку и выручку. Высоко оценивая боевую работу женщин, командир полка не раз на разборах ставил их в пример. Хвалил за желание летать, за умение драться с врагом.

В одном из воздушных боев Лилия Литвяк сбила фашистского аса, имевшего, как потом выяснилось, три фашистские награды – железные кресты. Гитлеровец успел покинуть самолет. Опустившись на парашюте, он попал к нашим авиаторам в плен. На допросе заявил, что ничего не скажет до тех пор, пока ему не покажут того, кто его сбил. По вызову командира полка явилась младший лейтенант Литвяк.

Увидев ее, фашист возмутился и заявил: «Большого унижения не могли придумать? Этого не может быть!» и стал требовать доказательств того, что действительно женщина сбила его самолет. Когда же Литвяк рассказала только им двоим известные подробности воздушного боя, фашистский ас опустил голову.

Командующий 8-й воздушной армией генерал Т.Г. Хрюкин рассказывал: «Прилетаю однажды в полк и прошу показать летчика, который сбил матерого фашистского аса, награжденного тремя железными крестами. И что вы думаете? Выходит из строя такая девчушка. Потупилась в землю, будто совершила провинность, и моргает большущими ресницами».

Много боев провела Л. Литвяк, неоднократно выручала ведущих, выручала своего ко-

Валерия Хомякова – первая женщина, сбившая вражеский самолет

мандира Голышева. Ее самолет был подожжен, она успела выпрыгнуть с парашютом. А через несколько дней – опять в бой.

Лилия Литвяк лично сбила 12 самолетов противника.

3 августа 1943 года 9 наших летчиков-истребителей, в числе которых была и Л. Литвяк, встретились с сорока вражескими самолетами. Бой был жестоким. Лично Литвяк сбила два самолета противника, один фашистский истребитель поджег ее самолет... Предполагают, что он взорвался в воздухе.

Славный боевой путь прошел и 46-й гвардейский Таман-

Ночные ведьмы – летчицы 46-й гвардейского Таманского ночного легкого бомбардировочного авиаполка

ский ночной легкий бомбардировочный авиаполк. Путь этот пролегает от Сальских степей и Дона до фашистской Германии. Отважные летчицы на ночных бомбардировщиках наносили сокрушительные удары по врагу, разрушая переправы и оборонительные сооружения, уничтожая технику и живую силу противника. Полк участвовал в наступательных операциях в районе Моздока, на реке Терек, на Кубани. Он содействовал освобождению Крымского полуострова, городов Севастополя, Могилева, Белостока, Варшавы, Гданьска (Данцига), помогал наземным частям в прорыве обороны противника на Одере. Наименование «Таманский» полк получил за успешные боевые действия по завершению разгрома таманской группировки противника.

С 23 мая 1942 года по 9 мая 1945 года летчицы полка произвели 24 тысячи боевых вылета, сбросили на врага 3 миллиона килограммов бомб, уничтожили 17 переправ, десятки складов, железнодорожных эшелонов, сотни автомашин и огневых точек. 46-й гвардейский 16 раз отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего.

Первым героем Советского Союза из женщин-летчиц в годы войны стала бывшая учительница Евдокия Носаль, имевшая 353 вылета. Это высокое звание ей

было присвоено посмертно.

За смелость, отвагу и героизм, проявленные личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками, авиаполк награжден орденами Красного Знамени и Суворова III степени. 23 летчицы удостоились высокого звания Героя Советского Союза. Командовала полком подполковник Е.Д. Бершанская, начавшая летать еще в 1931 году, а в 1936 году за многолетнюю безаварийную работу в авиации награжденная орденом «Знак Почета».

В этом славном полку сражались и воспитанницы аэроклубов Грузии. Одна из них – Герой Советского Союза Магуба (Марта) Хусейновна Сыртланова, в мае 1935 года окончившая Тбилисский аэроклуб. Самый памятный боевой вылет Магубы Сыртлановой и штурмана Тани Сумароковой за всю их боевую деятельность был на Севастополь. В одну из апрельских ночей Магуба вела тяжело нагруженную машину. Надо было бомбить аэродром, забитый фашистскими самолетами. Наши летчицы уже приближались к цели. Марта сбавила обороты двигателя и стала планировать к цели. Вдруг в разных концах города зажглись прожекторы... Все ближе к самолету рвались зенитные снаряды. Когда Марта сбросила бомбы, самолет попал в лучи прожектора. Самолет устремился к земле,

фашисты решили, что он сбит, и погасили прожекторы. Но Марта, потеряв из-за поврежденного мотора около пятисот метров высоты, с трудом вывела самолет в горизонтальное положение и решила тянуть машину на свою территорию. Быстро приближалось море. Мотор чихал, чихал... Потом вообще отказал. Сделав незначительный разворот на север, в полной темноте Марта вела планирующую машину к земле. Толчок колесами о гальку – и самолет остановился.

М.Х. Сыртланова совершила 782 боевых вылета, сбросила на врага 140 тонн бомб, уничтожила 2 переправы через реки, 2 воинских эшелона, артиллерийские

Магуба Сыртланова

Мери Авидзба

батареи, 2 прожектора, 4 автомашины, множество складов с горючим... В 1946 году Марта была удостоена высокого звания Героя Советского Союза.

Штурманом звена была первая летчица-абхазка Мери Авидзба. В 1938 году она окончила 1-ю Краснознаменную школу ТВФ имени Баранова в Батайске и была направлена в Сухумский аэроклуб летчиком-инструктором. Но в 1939 году аэроклуб расформировался. Мери поступает в Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова. Когда же началась война, Мери попросилась в авиацию.

Сентябрь 1943 года. Мери воюет с врагом в небе над Моздоком, Малгобеком, над переправами через Терек, помогает наземным войскам в освобождении Новороссийска, вместе с летчицей Ниной Алцибеевой бомбит Тамань.

В ноябре 1943 года на клочке Керченской земли, в районе поселка Эльтиген, высадился советский десант. Но он оказался в окружении. Необходимо было срочно доставить нашим воинам боеприпасы и продукты питания. Задача осложнялась тем, что необходимо было точно сбрасывать грузы, чтобы они не достались противнику или не упали в море. Требовалось летать на малых высотах.

На «Огненную землю» летчики летали парами самолетов. Один экипаж отвлекал огонь на себя, а другой сбрасывал груз.

Вспоминая эти полеты, Мери говорила: «Нелегко было выполнять задачу, когда вокруг само-

лета рвутся зенитные снаряды, когда видишь цветные нити трассирующих пуль. Надо было быть начеку, чтобы враг тебя видел, чтобы он охотился за тобой, а другие машины могли прорваться к десанту, сбросить груз, который так ждали бойцы на «Огненной земле».

Уже в бою за освобождение Белоруссии экипаж Рукавициной-Авидзба был подбит. Стараясь спасти поврежденный самолет, летчица и штурман получили серьезные ранения. Скрывая от подруг и врачей нечеловеческие муки, Мери продолжала летать, хотя у нее был поврежден позвоночник.

Мери Авидзба совершила 477 боевых вылетов, сбросила на фашистские войска 64 345 кг бомб.

Только после окончания войны Мери легла в госпиталь. Долгие семь лет боролась она с тяжелым недугом.

Служила в полку и командир звена Клавдия Серебрякова – в прошлом летчик-инструктор Тбилисского аэроклуба. Она громила врага на Кавказе, в Крыму, Белоруссии, Польше.

8 марта 1945 года К. Серебрякова вылетела бомбить военные объекты врага в районе Гданьска. Погода к ночи начала ухудшаться, синоптики обещали к началу боевых вылетов десятибалльную облачность. Клава со штурманом Антониной Павловой с полной бомбовой загрузкой шла к цели. Первый боевой вылет подсказывал, что ночь будет тяжелой. Каждый советский самолет встречали прожекторы и зенитки противника. Экипажу надо было прорваться сквозь смертельную завесу огня. Пересекли линию фронта. На подходе к цели были обстреляны противником. Клава была ранена в ногу, но штурману ничего не сказала и продолжала полет. Сбросив в порту бомбы на скопление техники противника, они возвращались на свою базу. Через завесу огня Клава решительно вела свой самолет. Свет прожекторов ослеплял, погода ухудшалась, аэродром закрыло низкой облачностью. Экипаж принял решение уйти на юго-восток, ближе к городу, недалеко от дороги произвести посадку. Штурман ракетами

освещала под самолетом местность... В ту ночь Клава и Тоня не вернулись на свою базу.

Первой очнулась Клава. Они с Тоней лежали под обломками самолета. Восемь часов летчицы находились без сознания, восемь часов без движения лежали на снегу. Самолет обнаружили вездесущие мальчишки. Через несколько часов подошли женщины. Они же и сообщили о случившемся в воинскую часть. Вскоре солдаты на носилках доставили тяжелораненых летчиц в госпиталь.

Только в августе 1946 года Клавдия Серебрякова выписалась из госпиталя, домой прие-

Клавдия Серебрякова

хала на костылях, а через месяц поступила в педагогический институт. Работала завучем одной из школ города Октябрьский в Башкирии, защитила кандидатскую диссертацию.

Воспитанница Ереванского аэроклуба Аня Высоцкая была молодым пилотом. Она тоже мечтала попасть в полк Бершанской. И эта ее мечта осуществилась в конце 1942 года. Она тоже внесла немалый вклад в достижение победы над фашизмом, но не дожила до нее – пала смертью храбрых в одном воздушном бою.

125-й гвардейский бомбардировочный авиационный Борисовский полк имени Героя Советского Союза майора М.М. Расковой прошел славный бо-

Техперсонал 586 ИАП ПВО обслуживает истребитель ЯК-15 на аэродроме под Сталинградом

евои путь от Волги до берегов Балтийского моря. Сражаясь на пикирующих бомбардировщиках, летчицы полка уничтожали оборонительные сооружения, живую силу и технику противника на берегах Волги, содействовали наземным войскам в прорыве обороны противника на Северном Кавказе, обеспечивали ввод в бой и прорыв нашей танковой группы на Орловско-Курском направлении, выполняли задачи по прорыву долговременных, сильно укрепленных оборонительных полос и разрушению узлов сопротивления противника на участке Богущанск – Орша. Полк участвовал в боях за освобождение Ельни, Смоленска, Витебска, Борисова, Прибалтики, по разгрому немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии.

За период Великой Отечественной войны летчицы полка совершили 1134 боевых вылета, сбросили на врага 980 тонн бомб.

За отличные боевые действия и проявленный личный составом героизм полк награжден орденами Суворова и Кутузова III степени. Пять летчиц удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Весь личный состав полка награжден орденами и медалями.

Командир полка Герой Советского Союза майор Марина Раскова 4 января 1943 года при перелете в сложных метеорологических условиях на фронтовой аэродром погибла – при катастрофе самолета.

В этой прославленной части воевали и наши соотечественницы – старший летчик Ирина Осадзе, штурман звена, знаменосец полка Галина Турабелидзе, старший летчик Тамара Мелашвили. На многих фронтах сражались женщины-авиаторы: единственная женщина в военно-воздушных силах страны – старший инженер гвардейского истребительного авиационного полка, уроженка Кахетии Тама-

ра Кожевникова (Оденова), пилот Тбилисского аэропорта, а в годы войны летчик-истребитель Мария Кулькина, воспитанницы грузинских аэроклубов младший лейтенант Тамара Войткова, Тина Харабадзе, Венера Бакрадзе, В. Гасвиани, Е. Туриашвили, И. Меладзе, М. Сирадзе и многие другие.

На протяжении многих лет летчицы женских полков ежегодно 2 мая и 8 ноября встречались в Москве, в сквере у Большого театра (так было решено на последнем собрании полка), отдавали дань памяти любимому командиру, Герою Советского Союза М.М. Расковой, захороненной у Кремлевской стены, бывшему командиру истребительного полка Тамаре Казариновой, комиссару полка ночных бомбардировщиков Евдокии Яковлевне Рачкевич, Герою Советского Союза, штурману Екатерине Рябовой и многим другим своим бывшим однополчанам...

Ксения Раппопорт и Полина Осетинская

«PAST PERFECT»: ПРОШЕДШЕЕ СОВЕРШЕННОЕ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Недавно заезжие звезды представили на Грибоедовской сцене две инсценировки: музыкально-драматический спектакль «Неизвестный друг» по произведению Ивана Бунина и «Чемодан» по рассказам Сергея Довлатова.

«ПРОЩАЙТЕ. ИЛИ НЕТ, ВСЕТАКИ ДО СВИДАНИЯ...»

С чем можно сравнить впечатление от спектакля «Неизвестный друг»? С легким дуновением ветерка, с нежным прикосновением солнечного луча ранним утром, со свежими, одурманивающими запахами после дождя, с ускользающей мелодией, навевающей смутные воспоминания, с картинами импрессионистов... Эту атмосферу создают на сцене две талантливые и красивые женщины – актриса Ксения Раппопорт и пианистка Полина Осетинская.

Ксения Раппопорт ассоциируется в зрительском восприятии с глубиной, эмоциональной хрупкостью и одновременно душевной стойкостью, и ей сам Бог велел принять участие в спектакле, построенном на тончайших нюансах переживаний, на сложном переплетении чувств и мыслей.

Ксения Раппопорт и Иван Бунин – какое удачное соединение! В природе актрисы, словно воплощающей в себе тайну русской культуры конца XIX – начала XX века, есть все для выражения иррационального, метафизического, рокового. Это в полной мере проявилось в музыкально-драматическом перформансе, поставленном легендарным петербургским режиссером и педагогом Валерием Галендеевым (кстати, он воспитал не одно поколение знаменитых актеров, среди них – Ксения Раппопорт).

Параллели, возникшие у меня в связи с увиденным: цвейговская новелла «Письмо незнакомки». В обоих произведениях, написанных приблизительно в одно и то же время (Цвейг – 1922, Бунин – 1923), героиня сотворила себе кумира, полюбила образ, созданный собственным воображением. В том и другом

случае объект любви – писатель. При этом чувства женщин так и остались безответными. В остальном – ничего общего. Ведь если цвейговская Незнакомка испытывала к своему избраннику – вполне конкретному человеку из плоти и крови – всепоглощающую, страстную любовь, то чувство бунинской героини, знавшей литератора лишь как автора поразивших ее рассказов, более отвлеченное – оно родилось из потребности разделить с писателем волнение, которое произвел на читательницу его «талант, действующий как печальная, но возвышенная музыка»; из ощущения экзистенциального одиночества и глубокой неудовлетворенности жизнью. Любовь ведь бывает разной...

В финале героиня небольшого рассказа Бунина говорит о том, что «пережила что-то странное, похожее на любовь». Любовь как болезнь. Ксения Раппопорт великолепно передает смятение чувств женщины – переходы от надежды к отчаянию, от упреков – к смирению. Передает не только через бунинский текст, но и в пластическом рисунке роли между монологами. В разнообразных, необычных, эмоционально наполненных движениях актрисы, метафорических жестах рук (то ли современный танец, то ли что-то еще) выражается то невыразимое, что, тем не менее, несет и сам текст Бунина: «возбужденное желание личного счастья, которое всегда, всегда живет в нас и особенно оживает под влиянием чего-нибудь, действующего чувственно, – музыки, стихов, какого-нибудь образного воспоминания, какого-нибудь запаха», «радость ощущения божественной прелести человеческой души».

Говорят, музыка отражает наши эмоции на глубинном уровне гораздо сильнее, нежели слова или пластика. В спектакле бунинское слово, произнесенное талантливой актрисой, ее пластические этюды существуют в неразроторжимом единстве с музыкой. Между Ксенией Раппопорт и пианисткой Полиной Осетинской – полная гармония. По сюжету она как бы дочь героини и занимается с матерью музыкой: отрабатывает гаммы, разучивает сочинения из «Детского аль-

Сцены из спектакля «Неизвестный друг»

бома» Петра Чайковского, играет «Итальянскую польку» Сергея Рахманинова. Позднее переходит к более сложным произведениям композиторов-романтиков конца XIX века, к музыке французского импрессиониста Клода Дебюсси, к сочинениям наших современников – композиторов-минималистов Антона Батагова и Павла Карманова. Спектакль завершает пьеса Past Perfect Павла Карманова. Интересно, что написал о ней сам автор: «Я работал над пьесой необычайно долго, девять месяцев и, можно сказать, родил ее в муках, многие месяцы отвергая придумываемый материал. Это – музыка о том, что хотелось бы забыть навсегда. Пьеса писалась в непростой для меня период времени, и жизненные обстоятельства обусловили грустное настроение этого сочинения».

Есть в рассказе одна тема, которая кажется сегодня болезненно-актуальной – тема эмиграции. Ведь тоска героини связана и с тем, что однажды она оказалась «навсегда» брошенной в «одинокую страну». И дальше женщина устами Ксении Раппопорт время от времени рисует довольно унылые картины «странного края»: «Это наш город, наш собор. Пустынные скалистые берега, – моя первая *carte-postale* (почтовая открытка, франц. – *И.Б.*) к Вам – дальше, севернее. Но и город, собор – все угрюмо, черно у нас. Гра-

нит, шифер, асфальт и дождь, дождь...» Оставшись без надежды на встречу с близкой душой – писателем, она еще более ощутила свою неприкаянность. «У меня чувство страшного одиночества, страшной пустоты мира. Пустоты, пустоты!». Что это как не крик души? Ксения Раппопорт дает нам почувствовать мучительное страдание своей героини.

Однако послевкусие от спектакля осталось отнюдь не грустное, а скорее – светлое, жизнеутверждающее. Ведь «Неизвестный друг» – не только о безответной любви. Он и о творчестве, произведениях искусства и их магическом воздействии на душу, сознание читателей, зрителей, слушателей. «Я все еще под впечатлением чего-то непо-

нятного и неразрешающегося, но прекрасного, чем я обязана Вам, – объясните, что это такое, это чувство? И что вообще испытывают люди, подвергаясь воздействию искусства? Очарование от человеческой умелости, силы?.. Вот я что-нибудь читаю, – иногда даже что-нибудь ужасное, – и вдруг говорю: боже, как это прекрасно! Что это значит? Может быть, это значит: как все-таки прекрасна жизнь!» – таким потоком восторженных эмоций начинается бунинская история. Да и заканчивается она отнюдь не нотой безнадежности. «Прощайте. Или нет, все-таки до свидания», – говорит женщина, так и не дождавшаяся ответа на свои письма.

Наверное, каждый сидящий в зале смог найти в этом спектакле что-то близкое себе. Кто-то с ностальгией вспомнил свою романтическую влюбленность, другой наслаждался бунинской прозой, третий – искусной игрой актрисы, четвертый – музыкой и исполнительским мастерством пианистки, а пятый унес целостное впечатление от увиденного – наверное, это и есть самое ценное.

«КТО РАЗВАЛИЛ ДЕРЖАВУ?»

На Грибоедовской сцене был заявлен еще один русский прозаик – из другой эпохи, другой реальности. И если на музыкально-драматическом перформансе В. Галендеева зритель, не утративший способности чувствовать, моментами едва сдерживал слезы, то на спектакле Алексея Гайлита «Чемодан» по произведениям Сергея Довлато-

Сцены из спектакля «Чемодан»

ва царил смех. Не помню, когда в последний раз мне приходилось так от души, так искренно смеяться, отбросив груз забот и переживаний! Но это был смех сквозь «невидимые миру слезы», что вполне естественно: Довлатов, на протяжении многих лет являющийся одним из самых популярных и читаемых русских писателей, изображает в своем творчестве абсурд советской реальности.

Хочу подчеркнуть, что в проекте приняли участие настоящие профессионалы – органичные, пластичные, музыкальные, наделенные чувством юмора артисты Алексей Кортнев, Алексей Агранович, Семен Трескунов, Арам Гюрджян, Нина Шкара. Живая форма театрального скетча, стремительный темпоритм, точные мизансцены, мобильная, емкая сценография (подвижная многофункциональная конструкция, костюмы на вешалке, ширмы – сценограф Нина Кобиашвили) и, конечно, музыкальный ряд не позволяли зрителям ни на секунду расслабиться или заскучать. Это отражает литературный стиль Сергея Довлатова – лапидарный, афористичный, острый. Актеры легко, без натуги разыгрывают рассказы цикла «Чемодан»: «Креповые финские носки», «Номенклатурные ботинки», «Приличный двубортный костюм», «Офицерский ремень», «Зимняя шапка», «Шоферские перчатки»,

вовлекая зрителей не только в динамичную театральную игру, но и в некую звенящую пустоту советской реальности (именно в ней обитают персонажи Довлатова). Воссоздают гротескный образ родины. В этом авторам спектакля помогает писатель: театральный код Довлатова стал сегодня предметом серьезного научного изучения (кто-то отметил уникальное сочетание в творчестве писателя чувства юмора и чувства драмы – как у Чехова).

В чем-то Алексей Гайлит вместе с участниками этого представления идет дальше Довлатова, заостряя и развивая какие-то абсурдные моменты. Например, в очень смешном эпизоде «Шо-

ферские перчатки», в котором герой снимается в любительском фильме и в образе Петра I «идет в народ». Сама ситуация, показанная в сатирической зарисовке Довлатова, предполагает максимально яркую театральную форму и творческую фантазию. В спектакле «Петр I», руководимый шустрым и амбициозным «кинорежиссером» Шлиппенбахом, направляется прямоком в зрительный зал, чтобы задать «народу» вопросы обличительного характера: «Где стерлядь?», «Где мед?». «Кто развалил державу?». Хлесткий ответ, несмотря на их риторичность, приходит: «Бусурманы!». Шлиппенбаха в этой сцене играет популярный молодой артист Семен Трескунов – играет виртуозно, своей энергетикой заводя зал. Характерно, что свой «шедевр» начинающий киношник снимает не на камеру, а на смартфон!

Обыгрывается на сцене и знаменитое карамзинское: «Воруют!» (одна из версий этого исторического факта – в воспоминаниях Петра Вяземского: «Карамзин говорил, что если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут») – конечно, и тут с намеком на современность.

Горечь, пронизывающая этот веселый, ироничный спектакль, опять-таки связана с темой эмиграции. Ведь литературный герой «Чемодана» – советский эмигрант, живущий на окраине Нью-Йорка. Сам образ чемодана – очевидная, многосложная

Анатолий Белый в спектакле «Я здесь»

метафора, о которой так много написано. В нем аккумулируются воспоминания персонажа (и писателя), но это и символ дороги, пути в неведомое... Куда? В прошлое, в будущее? Может быть, в изгнание? Ведь Довлатов тоже оказался «навечно» заброшенным куда-то... за океан. Хотя именно «за океаном» он впервые добился заслуженного литературного признания.

В спектакле звучат песни в исполнении Александра Коршнева (известные «Сел и поехал», «Здравствуй, месяц март» и другие) и ереванского актера Арама Гюрджяна. Музыкальную атмосферу создает и пианистка Нина Шкара. «Если ни дома, ни денег не жаль – что ж тут поделывать. Если решил уезжать – уезжай, незачем медлить. Кто здесь любил тебя, кто тебя знал – все не помеха. Вышел из дома, пришел на вокзал, сел и поехал...» – щемящие строки и мелодия песни из репертуара группы «Несчастный случай» оказались удивительно близки теме спектакля.

Его создатели притянули такого родного и близкого многим Довлатова в день сегодняшний, сделали его нашим современником, актуализировали, театрализовали. Может быть, в постановке А. Гайлита меньше того, что отмечают исследователи творчества писателя: «сюрреализм с глубокой философией и подтекстом между строк». Хорошо это или плохо, решает зритель. И еще. Пока-

зывая гротескный образ покинутой страны, писатель все-таки в качестве эпитафии к сборнику «Чемодан» использовал стихи Блока: «Но и такой, моя Россия, ты всех краев дорожке мне».

Чулпан Хаматова в спектакле «Записки сумасшедших»

Ирония? Сарказм? Как знать...

Хочу добавить, что премьера первой версии спектакля «Чемодан» состоялась в Ереване, на сцене театра имени Г. Сундукяна. Там он, собственно, и создавался. Позднее, уже во вторую версию вошли Алексей Кортнев, Алексей Агранович, Семен Трескунов, Нина Шкара. Продюсер – Сергей Целиков.

По словам режиссера, прошлый спектакль был по форме театром рассказчика, где фигурировало несколько Довлатовых или Довлатов в разные

периоды своей жизни. «Мы выстраивали связь довлатовских рассказов с современностью через зрителей, которые подключались к повествованию. Это была постановка камерного свойства, а теперь мы вышли на новый уровень, в большую форму: и зал крупнее, и новый состав. Нам захотелось превратить спектакль в более развернутое действие. Он стал богаче в плане персонажей и образов, музыки, которая придает постановке шарма».

И в заключение. Сейчас нам представили довлатовский «Чемодан», два года назад с рюкзаком за спиной на Грибоедовской сцене в спектакле Егора Трухина «Я здесь» появился неприкаянный герой Анатолия Белого, а осенью 2024-го в одном из эпизодов постановки Дмитрия Крымова «Записки сумасшедших», показанной в Тбилиси, хрупкая фигурка Чулпан Хаматовой проскальзывала из кулисы в кулису, под завязку

нагруженная баулами с товаром и прочим хламом. В своем «сочинении без оркестра и декораций» под названием «Как вас много» Егор Трухин вывел представителей потерянного поколения новой формации (премьера состоялась в грузинской столице). Какое чувство вызывают новые персонажи, новая – релокантная – тема? Чувство горечи и боли. И еще – надежды. Потому что все эти герои согреты любовью и юмором их создателей.

«РОДНОЙ МНЕ, ОТНЯТЫЙ КАВКАЗ»

Павел Флоренский в Грузии

■ Нинель МЕЛКАДЗЕ

*Своей отчизны вновь лишась,
(Родной мне, отнятый Кавказ
Привык я родиной считать),
С ним потерял семью и мать.
Увы! Теперь далек, далек
Мой дальнезападный Восток!..*

П.А. Флоренский

Продолжение

ПРЕДКИ ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

Павел Флоренский писал: «Мать моя – Ольга Павловна Сапарова – была при крещении названа Саломией (Саломэ – по-армянски); она – армяно-григорианского исповедания. Сапаровы – выходцы из Кара-

бахы XVI века. В Карабахе случилась чума, и они выселились в селение Болнисы Тифлисской губернии со своими крестьянами, спрятав свои сокровища и все имущество и бумаги в пещере над рекою Инчей, в верховьях ее в Елисаветпольской губернии. Тогда их фамилия была

Мелик-Бегляровы. Когда чума кончилась, почти все Мелик-Бегляровы вернулись в Карабах. Часть же их, а именно три брата, остались в Грузии, в селении Болнисы. От них произошли три фамилии, родственные между собой: Сапаровых, Паатовых и Шавердовых». Собственно фамилия Сапаровых произошла от грузинского слова «щит», «защита». Это прозвание данная ветвь Мелик-Бегляровых получила за какую-то военную услугу, оказанную Грузинскому царству».

Таким образом, по материнской линии отец Павел оказался связан с культурой и историей Армении и Грузии. В кругу родственных семей поддерживались отношения даже с Индией, куда выселилась одна из ветвей Мелик-Бегляровых.

Дед Флоренского – Павел Герасимович Сапаров – один из первых богачей на Кавказе, щеголь и законодатель мод, любитель красивых вещей, «вовсе не был противник иных культур, чем патриархальная армянская». Он и его братья поддерживали связи с Францией: в доме было много именных вещей от французского двора, среди них резная ореховая табакерка с профилем Людовика XIII, по поводу которой один из хранителей Эрмитажа сказал, что подобных имеется лишь несколько экземпляров во всем мире и что все они известны наперечет; медаль, выбитая в память Шекспира и весьма близкая к его времени, и т.д. Вместе с тем уклад жизни семьи оставался наполовину восточный.

Тогда на Кавказе общим лозунгом и вместе хорошим тоном была установка на Россию и на русскую культуру. В доме господствовал французский язык наряду с русским: и тот, и другой были тогда на Кавказе признаком культурности. Сапаров своей образованностью был интересен многим представителям гражданской и военной администрации на Кавказе. Многие путешественники и исследователи, находя приют в его доме, поддерживали с ним связь и после их отъезда с Кавказа. Частым гостем был первый исследователь геологии Кавказа, академик Г.В. Абиш, а

Ольга Сапарова

генерал А.В. Комаров женился на родственнице Сапаровых (Ольга Форш – их дочь). Надо сказать, Абих сыграл не последнюю роль в решении дочери Сапарова, Ольги, продолжить образование в Петербурге.

Что касается армяно-григоринского исповедания, то дом Сапаровых был бесконечно далек не только от Армянской Церкви, но и вообще от религии.

В такой семье в местечке Сигнах, в ста верстах от Тифлиса, родилась 25 марта 1859 года мама Флоренского Ольга Павловна Сапарова; она была старшей из четырех дочерей П.Г. Сапарова и С.Гр. Сапаровой (урожденной Паатовой). Вопреки воле отца Ольга, при поддержке «брата Аршака, бывшего тогда, как и требовала мода, русским нигилистом», уехала в Петербург, вызвав гнев отца. Там, в 1878-1879 годах посещала Высшие женские (Бестужевские) курсы, занималась анатомией в Медицинской Академии, слушала лекции Сеченова, училась в Начальной школе рисования, черчения и лепления барона А.Л. Штиглица. Однако все эти занятия не носили системный характер.

В Петербурге она познакомилась с А.И. Флоренским: «... когда мать должна была уехать в Тифлис, отец же остался в Петербурге доканчивать курс в Институте Путей Сообщений,

переписка их <...>, скрывалась от деда». Даже в такой семье, как Сапаровых, «брак дочери с русским, при том же без положения и состояния, был делом вопиющим». Павел Флоренский дает интересный обобщающий портрет Сапаровых: «В семье Сапаровых по единогласному указанию всех, кого я ни встречал, была какая-то аристократическая гордость и, в связи с этим, преувеличенная боязнь вступить за свои права и отстаивать себя. В случаях посягательств, особенно на материальное благосостояние, Сапаровым было свойственно «надуваться», по словам тети, и молча отходить в сторону. В Сапаровых не было чванства и спеси, но было более глубокое, скажу, повышенное чувство собственного достоинства и выделения себя из среды окружающих, тайное признание себя чем-то особенным. Ремсо тетья тоже подтвердила мне, что было в семье Сапаровых ощущение, словно они происхождения гораздо более высокого, нежели это высказывалось и признавалось. Когда Манташев, известный теперь на Кавказе миллионер, присватался к одной из моих теток, то ему не просто отказали, а глубоко оскорбившись и сочтя такой его поступок невероятным нахальством: «Как это мы, Сапаровы, можем выдать свою за какого-то Манташева?!» И вот за этот-то надмен страдали все они, страдаем и мы...».

Ольга Павловна, уже после кончины отца, последовавшей

за разорением, поступила согласно своему решению: обвенчалась с А.И. Флоренским, так и не получив благословения отца на этот брак. Вследствие этого она сознавала себя порвавшей со своим отцом, а потому, «оторвавшейся от своего рода...» и не любила рассказывать о своей семье, это было запретной темой. Павел Флоренский считал, что «в этих чувствах матери, однако определивших тональность ее внутренней жизни, гораздо больше болезненной, преувеличенной честности и опять-таки болезненной и преувеличенной порядочности, нежели здравого понимания жизни. Но, вероятно, какие-нибудь неосторожные слова деда нанесли рану матери, не в меру болезненную, вследствие повышенной ее моральной чувствительности, и все дальнейшее стало обходить эту рану, постепенно расширяя добровольно исключаемое ею из своей жизни». Флоренский полагал, что «можно было бы к нарушению отцовской воли отнестись не столь формально. Если бы дед остался жив, то весьма вероятно, он отнесся бы к данному браку не принципиально, а как к частному случаю, примирился бы с ним, оставив в стороне общие свои убеждения, и оценил бы мужество своей дочери. Следовательно, мать вполне могла бы успокоить себя мыслью, что впоследствии недовольство отца рассеялось бы и что какие-нибудь внутренне не взвешенные слова, сказанные сгоряча разорившимся, большим стариком, несправед-

Павел Герасимович и София Григорьевна Сапаровы

Ольга Флоренская,
урожденная Сапарова

ливо и жестоко учитывать понастоящему».

Итак, мать Флоренского по разным мотивам отдалилась от всех своих родственников, кроме сестер. Конечно, «при таких условиях было болезненным преувеличением считать себя без рода, тем более что все сестры ее чрезвычайно уважали, если не обожали ее», и были в самых дружеских отношениях с ее мужем. Но рана ее «расширилась до нежелания сказать хотя бы слово по-армянски или говорить и читать об Армении или об армянах, равно как и зайти хотя бы из любопытства или нас завести в армянскую церковь. Она боялась всего, что связано с Арменией, а далее, по иррадиации, это распространялось, во-первых, на Кавказ вообще, во-вторых, на национальный и государственный вопрос, затем на вопрос религиозный и в особенности на вопрос родовой». Теоретически она понимала значение наследственности, значение рода, важность знакомства с прошлым, с психологией народов и даже значительность религии. Ведь она много и не без толку читала. Ей не чуждо было естествознание, но преимущественно она читала книги исторические, и притом настолько внимательно, что никогда не оставляла ни одного неизвестного иностранного слова не уясненным себе. Но она боялась, как бы мысль от «вообще» не перешла к «частности». Между тем естественный

интерес к своему роду возбуждался вещами из сапаровского дома, правда, немногими уцелевшими, но зато действительно достойными внимания. На расспросы, реагировала очень внушительным отказом: «Раз и навсегда я тебя прошу не заниматься такими пустяками. Есть же у тебя свое дело!» Может быть, из опасения, не делаются ли подобные расспросы из тщеславия, она замечала: «Мы – люди самые обыкновенные, самые простые».

КУЛЬТ СЕМЬИ

Сохранившаяся переписка супругов Флоренских свидетельствует об их удивительно гармоничном браке, о создании почти религиозного культа семьи, благоговейного отношения ко всем семейным атрибутам. Семья представлялась им сотканной из одного только благородства, великодушия, взаимной преданности, как сгусток чистой человечесности. «Следовательно, – пишет игумен Андроник (Трубачев), – задача этого эксперимента с жизнью, на который отец Павла Флоренского потратил жизнь и «много-много богатых и отличных дарований и усилий, была в возможно тщательном уединении семьи ото всего, что могло бы возмутить гладь этого безоблачного существования. Все тяготы жизни он нес на себе, но вносить их в семью не хотел; и, не выдержав тяжести одинокого несения труда, и горя, и неприятностей жизни, ради того, чтобы семья была избавлена от них, он надломился и, когда увидел неосуществленность своей жизни, потерял равновесие и телесное, и духовное. Это была воистину драма: на глазах рушилось все то, что он пытался создать всю жизнь и ради чего принес себя в жертву. Да, в жертву, ибо семья была его идолом, его богом, а он – ее жрецом и ее жертвою».

Семья состояла из отца – Александра Ивановича Флоренского, матери – Ольги Павловны, сестры отца, Юлии Ивановны Флоренской, и детей: Павла, Люси (Юлии), Лили (Елизаветы), Шуры (Александра), Вали (Ольги), Госи (Раисы) и Андрея, – и живших с ними подолгу

или гостивших у них сестер матери, часто со своими семьями. Такое явление было характерно для Тифлиса тех времен. Павел Флоренский, анализируя атмосферу в семье, писал, что в доме было сплошное тепло, сплошная ласка, а главное, сплошная порядочность и чистоплотность. Никогда ни одного пошловатого слова, ни одного приниженного интереса, никакого проявления эгоизма; всегдашняя взаимная предупредительность всех друг к другу при широкой, активной доброте отца в отношении окружающих, посторонних. При этом, по словам Флоренского, «сестрам матери была чужда природа, хотя они и привыкли жить в роскошных садах, им не интересен Кавказ, хотя корни их – там; в них – старость и вместе духовная одряхлелость прежних культур, достигнутая элементарность интересов, в каких-то веках далекими поколениями скопившаяся усталость ото всего возвышенного, полусознательное, в крови заложенное разочарование в героическом, пренебрежение стариков к широким планам юности. Это какая-то бескрылость, но, впрочем, до того случая, когда нужно проявить настоящую решимость и настоящий под-

Александр Иванович Флоренский
с сестрой Юлией

виг; тут они все, знаю примеры, оказывались твердыми и делали свой долг, как нечто само собою разумеющееся. Все они добры, приветливы, стараются окружить теплотой и вниманием и умеют это делать. Однако действие этой теплоты иссякает почти тут же, за пределами небольшого пространства, в ней нет звонкости, нет света. Когда из такого теплого гнезда видишь далекие горы, сверкающие на солнце, тогда не оторваться от этой теплоты. Но если гнездо, ради большего удобства, закрыто со всех сторон, тогда во имя света взбунтуешься против этого уюта». При этом Флоренский признавался, что его единственной возлюбленной была Природа. Он позволял любить себя отцу. Для Флоренского отец – доброта, внимание, защита. Испытывал полумистическое благоговение перед матерью. Но любил лишь тетю Юлю, сестру отца, за ее отношение к природе.

МУЗЫКА

В общей психологии категория «восприятие» относится к числу основных. Через восприятие человек во многом постигает мир. Восприятие – не только чувственный образ, но и осознание смысла того явления, на котором оно сосредоточено. Это сложный, психически многокомпонентный процесс: работа представления, памяти, мышления, это активное включение предыдущего опыта, различные логические действия, эмоциональная реакция, понимание, оценивание. Восприятие музыки, пишет Г.П. Овсянкина в пособии «Музыкальная психология», требует включения интеллектуальных функций. И чем сложнее, масштабнее музыкальное произведение, тем более напряженной интеллектуальной работы оно требует от человека при его восприятии. Формирование полноценного музыкального восприятия свидетельствует о сложнейшем многостороннем взаимосвязанном процессе: во-первых, об интеллектуальном росте человека, во-вторых, о совершенствовании всех его основных музыкальных способностей, в-третьих, о высоком уровне развития музыкального

искусства, вершиной которого стало появление классической сонаты и симфонии. Именно восприятие таких жанров, как симфония и соната, требует наибольшего интеллектуального напряжения и концентрации внимания.

Музыкальное восприятие Павла Флоренского, а также полученное в детстве домашнее музыкальное образование сыграли немаловажную роль в формировании его мироощущения. Он воспитывался в культурной среде, в атмосфере, как пишет С. Булгаков, Бетховена и Гете. С самого раннего возраста он знал и говорил наизусть «Фауста» по переводу Вронченко, а имена и музыка немецких классиков постоянно звучали в его сознании. Музыкальные склонности направлялись у него в детстве также по руслу стихов. Обладая почти абсолютной памятью, все привлекательное он запоминал с одного раза в точности; в особенности это относилось к стихам. Пушкин, отчасти Лермонтов – только их он признавал в раннем детстве, его влекли их звучание и их ритмика, остальное же не доходило до его слуха. Его дом в Тифлисе был полон звуков преимущественно классической музыки. Вся семья много и постоянно музицировала. Мать и ее сестры, а также тетя Соня хорошо пели, имея от природы «чистые и чрезвычайно приятного тембра голоса. Они учились профессиональному пению, тетя Соня несколько лет обучалась в Лейпцигской консерватории по классу вокала и фортепиано» (О. Никитина. Музыка в доме Павла Флоренского).

Немецкая классическая музыка стала фоном всех эмоционально насыщенных событий, которые имели место на протяжении всего жизненного пути Павла. «В одной из комнат нашего дома тетя Соня штудировала немецких классиков, преимущественно Гайдна, Моцарта и Бетховена; Бах тогда еще, кажется, не был возвеличен в музыкальном мире, – вспоминал Флоренский. – Эти звуки, в особенности Моцарта и Бетховена, были восприняты мною вплотную, не как хорошая музыка, даже не как очень хорошая, но

как единственная. «Только это и есть настоящая музыка» – закрепилось во мне с раннейшего детства. То, что играл я сам себе в воображении, принадлежало к этому роду, но было еще пустыннее, еще объективнее, еще дальше от сырости переживаний. «Почти что окончательное то, что играет тетя Соня, – а все не совсем. Еще какой-то шаг – и будет достигнут предел, последняя глубина звука», – так, но, конечно, не в таких словах думалось мне. И я делал для себя этот шаг и освобождал музыку от последнего привкуса психологизма; она звучала в моем сознании как музыка сфер, как формула мировой жизни. Материалом же ее были экзотические звуки внутри меня. Когда много лет спустя, уже окончив Университет и Академию, я прикоснулся к Баху, я понял, чего искал я в детстве и в какую сторону представлялся мне необходимым еще один шаг музыкального развития. В Бахе я узнал приблизительно то, что звучало в моем существе все детство, – приблизительно то, но все-таки не совсем. Может быть, той, экзотической музыки вообще не выразить звуками инструментов и слишком рационализированной ритмикой нашей культуры. Я же проводил свои дни в непрестанном экстазе».

Из инструментальных произведений в доме слышались лишь наиболее строгие, салонная же музыка вызывала пренебрежение. Что касается вокальной, то в доме в основном звучали романсы Шуберта и Глинки. Они для уже взрослого Флоренского представлялись наиболее совершенными из произведений этого жанра. Наиболее достойным внимания и наиболее привлекательным для него, ребенка, было то, что вставало перед ним загадочным иероглифом таинственного мира. Таковым был любимый им романс Глинки на слова Пушкина «Я помню чудное мгновенье». Когда он слушал этот романс уже совсем взрослым в исполнении камерной певицы, меццо-сопрано Марии Олениной д'Альгейм, в нем всколыхнулось то же чувство, но теперь уже сознательно. Ему думалось, что Пушкин с музы-

Павел Флоренский за фортепиано

кой Глинки в исполнении Олениной – тройное творчество величайших представителей каждой из областей русской культуры, возносящейся помощью и силой другого: «Какой уплотненный фокус культуры, в коротком романсе замкнувший целый век расцвета русского искусства. Не без причины таким огромным и духовно веским казалось мне «чудное мгновенье» с пеленок».

«Именно музыка (наравне с математикой), – отмечает игумен Андроник, – стала одним из тех кристаллов гармонии, благодаря которому его мироощущение и мировоззрение отличались внутренним единством и цельностью. Он писал: «Я музыку любил неистово, а ощущал почти до вражды; она слишком потрясла меня и слишком много от меня требовала, чтобы можно было относиться к ней как к удовольствию. В детстве у меня был тонкий и верный слух, лет с четырех он уже лез к пианино и одним пальцем подбирал слышанные мелодии, или же, напротив, пытался какими-то массажи звуков выразить разрывавшие его чувства. Но более мелодии я всегда чувствовал музыкальную ритмику, с одной стороны, а окраску звуков – с другой. Вообще моя музыкальная фантазия была настолько захватывающей и живой, что я почти не нуждался в физическом звуке».

В письмах Флоренского о

музыкальном воспитании отразились основные черты его мировоззрения, его взгляды на постижение единых закономерностей в музыке, математике, природе, духовной жизни человека и в быту, его понимание музыки как мировой гармонии, противостоящей распаду и хаосу. Все это послужило фундаментом для его представлений об этической силе воздействия музыки, ее возможности организовать и «выстроить» внутреннюю жизнь человека.

Со стихами произошло то же, что с музыкой: есть настоящая музыка, настоящие стихи, и они – благо. Кроме того, есть и еще что-то, притягивающее быть музыкой и поэзией, но обсуждать это недостойно, тогда как оно не музыка и не поэзия, и говорить об этом не стоит. Размышляя над суждением ребенка и взрослого человека, Флоренский говорит, что детское суждение – онтологично. Поэтому для него в детстве не было искусства хорошего и плохого, а было просто искусство и неискусство. Впоследствии, взрослея, человек научается лукавить, боясь быть жестоким, или, может быть, из опасения быть судимым тем же судом и, стараясь усладить прискорбную истину разными извинениями, перестает чутьем угадывать и ценить самую суть произведений. В этом контексте обращает на себя внимание запись, сделанная Флоренским в 1916 году: «Мне, думается, что

настоящее мое призвание – не наука и не философия, а музыка... Я много раз думал, что музыка и именно композиция, но ни в коем случае не личное исполнение, может быть, деятельность дирижера, была моим истинным призванием и что все остальные мои занятия были для меня лишь суррогатами того, музыкального».

Ярким подтверждением музыкальности восприятия мира о. Павлом служат строки из его воспоминаний о детстве: «Я всегда был полон звуков и разыгрывал в воображении сложные оркестровые вещи в симфоническом роде...».

Придавая музыке особое значение в духовном формировании его как личности, о. Павел считал занятие музыкой совершенно необходимой частью образования и воспитания: «1936.VII.7-8. Дорогая Наташа, поздравляю Вас с рождением сына. ...Хочу дать только один совет. Пусть с первых же дней он получает наилучшие впечатления от мира... Это – музыка, но высшего порядка, т.е. Бах, Моцарт, Гайдн, пожалуй, Шуберт, который, хоть и не глубокий, но здоров и ясен. Затем цветы... Далее – небо, облака, зори. Далее: произведения изобразительных искусств, хотя бы в репродукциях». Примечательно, что в этом ряду на первом месте стоит музыка.

В январе 1988 г. профессор Н.М. Каухчишвили возглавила международный симпозиум в Бергамо, посвященный жизни и творчеству Павла Флоренского. В своем докладе «П.А. Флоренский: от древности к стилю модерн» она отметила, что статья Флоренского «Антиномия языка» служит доказательством того, что, помимо зрительного, существует и слуховое пространство, в котором ощутимо музыкальное восприятие мира. Эта музыкальность есть особенная отличительная черта, органически и активно содействующая мироощущению Флоренского, который «в состоянии уловить тайную звучимость любой музыкальной композиции, звука, слова, отдельных фонем и морфем».

Продолжение следует

ПРОЩАЙ, МОСКОВСКИЙ ДОМ КИНО!

■ Кора ЦЕРЕТЕЛИ

Уютный, добрый, теплый гостеприимный наш Дом!

Стены твоего постепенно ветшавшего здания помнят много волнительных премьерных показов – фильмов начинающих авторов и мастеров мирового кино – несбыточная в те годы мечта советских зрителей.

Помнят они и о шумных, веселых, дружеских посиделках в ресторане на четвертом этаже, о горячих спорах и радостных встречах на лестнице, в раздевалке. Под приглядом гомерической фрески Леже раздавались радостные возгласы:

– Привет! Когда приехал? Где остановился? Что привез? Когда показываешь?

Он был одинаково гостеприимным для кинематографистов всех республик, нашим общим родным домом...

Последним пристанищем нашей цеховой общности.

Здесь мы справляли самые знаковые свои события. Вспомню только показ фильма «Покаяние» – самый первый в стране

(о нем я много писала). И конную милицию на Васильевской...

Еще один особенно для меня важный вечер – 80-летие любимого друга, Резо Чхеидзе, которого чествовали тогда еще живые корифеи советского кино Владимир Наумов, Георгий Данелия, Марлен Хуциев, Эльдар Рязанов...

Эх, Дом! Милый наш Дом!

Ты ветшал и старился вместе со мной...

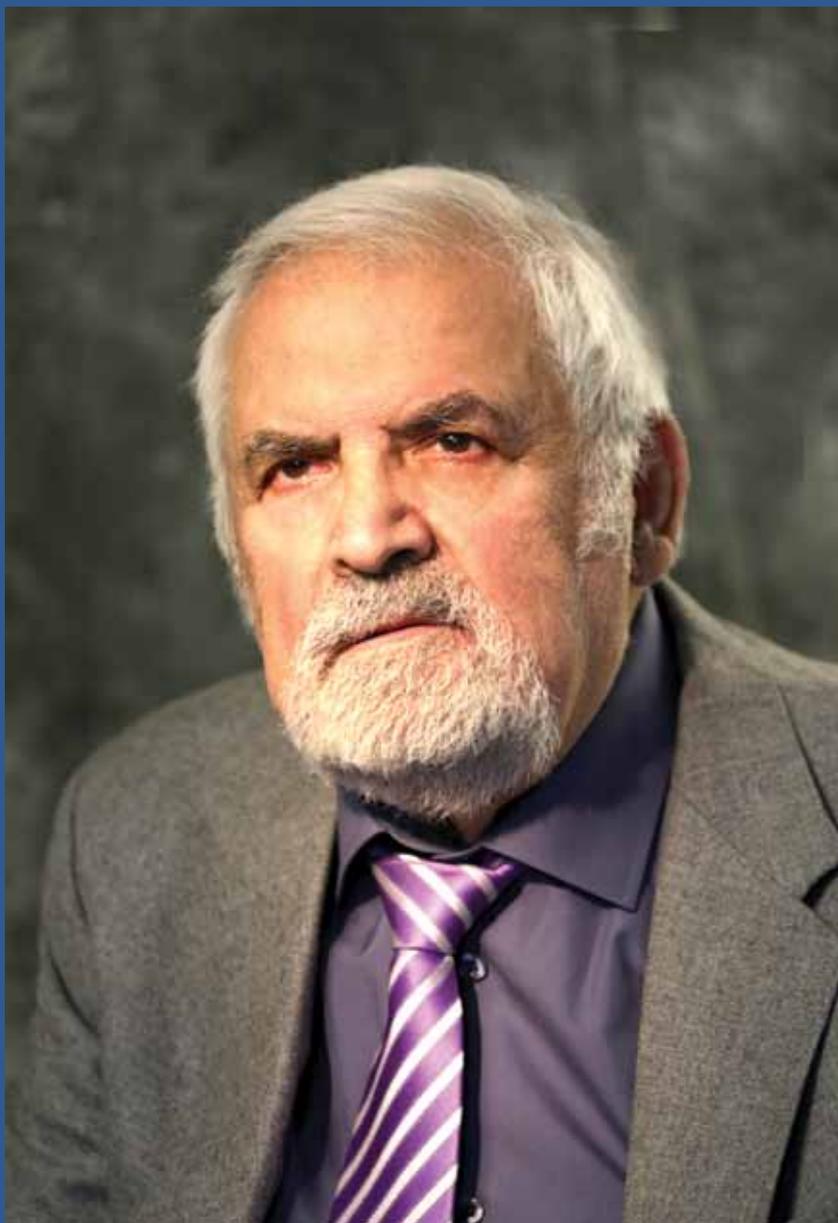
Тебя покинули твои верные приверженцы и друзья. В последнюю нашу встречу я заметила это твое горестное отчуждение, немое отстранение от всего живого, предшествующее уходу.

Завтра тебе помогут уйти.

Прощай, любимый, неповторимый и незабвенный!

Дом кино появился в Москве в 1934 году по инициативе Сергея Эйзенштейна. Он не раз менял свое местоположение. Сегодня комплекс состоит из двух зданий: Алексеевского народного дома 1908 года постройки (проект архитектора Владимира Сероцинского, оформлен в стиле модерн с элементами неоклассицизма), в котором находятся Белый зал и некогда знаменитый ресторан, и нового здания, построенного в 1968 году (проект архитектора Евгения Стамо), где расположен Большой кинозал на 1100 мест. Историческое здание народного дома, которое по закону нельзя ломать, предполагается отреставрировать, а грандиозное строение 1968 года – образец советского модернизма – снесут и построят элитные апартаменты с садами на крышах и подземными парковками. В новом здании предусмотрены помещения под нужды Союза кинематографистов, в том числе кинозал на 750 мест.

1 февраля Дом кино закрылся на реконструкцию.

Вадим Анастасиади. Фото Юрия Мечитова

КОГДА СТРАНА ЕДИНА И КОГДА РАЗДЕЛЕНА...

**На защиту родного языка
Являлись ли Чуркин и Колбин
русскими наместниками в Грузии?
Сочинский договор
Как Анагская улица стала улицей
Шартава: рождение названия**

■ Анастасия АНТИДЗЕ

Вадим Георгиевич Анастасиади – бессменный главный редактор газеты «Вечерний Тбилиси» с 1985 года. В 2025 году исполняется ровно сорок лет, как Анастасиади занимает свой пост. До этого – в редакции газеты «Молодежь Грузии», где прошел путь от корреспондента на полставки, до главного редактора. Кавалер орденов Чести и Вахтанга Горгасали III степени, а также двух советских орденов «Знак Почета». Заслуженный журналист Грузии с 1975 года. Являлся членом Совета Главы Грузинского государства (1992-1995 гг.), членом Государственной комиссии по выработке Конституции Грузии (1995 г.) и др.

Вадим Анастасиади не считает себя активным действующим лицом драматических событий последних десятилетий в Грузии, но как свидетель и непредвзятый наблюдатель согласился поделиться своими воспоминаниями и впечатлениями о некоторых из них.

– Уже скоро – 14 апреля. Эта дата переносит нас в бурные события 1978 года. А что вспоминается лично вам в связи с этим днем?

– Подходил к концу 1977 год. Работал я в то время ответственным секретарем в газете «Молодежь Грузии». Отар Лордкипанидзе, наш редактор и мой друг, в тот период тяжело болел, а его заместитель перешел на должность собкора по Грузии в одну из центральных газет. Потом случилось непоправимое. В начале января 1978 года Отар, страдавший пороком сердца, скоропостижно скончался. Это случилось буквально за несколько дней до его операции, которая, как все ожидали, должна была принести хоть какое-то облегчение. Утрата была невозможная, я же остался в редакции «Молодежки» один в трех лицах, т.е. исполнял обязанности и редактора, и его заместителя, и ответственного секретаря. Газета выходила трижды в неделю, причем большим форматом, тогда это называлось форматом «Правды». Дел было невпроворот. Ситуация осложнялась еще и тем, что, кроме выпуска газеты, я был вынужден посвящать себя занятию, которое не любил

Редакция газеты «Молодежь Грузии»

и всегда старался избегать, т.е. протираяню штанов на различных заседаниях, совещаниях, собраниях, посещаемых обычно либо редактором, либо его заместителем. Не ходить на эти встречи было нельзя, так как, во-первых, они питали журналистов разнообразной и часто полезной информацией, а во-вторых, партийное руководство прессой как раз и состояло в том, чтобы периодически встречаться с руководителями газет и журналов и проверять эту публику на идейно-политическую сознательность и зрелость.

Вот так, словно с корабля на бал, и окунувшись я в атмосферу бурного обсуждения проекта новой конституции Грузинской ССР, принятие которой планировалось 14 апреля 1978 года на сессии Верховного Совета Грузии. До сессии оставалось еще около четырех месяцев, но страсти были накалены. Повсюду проходили собрания, встречи, конференции – санкционированные или несанкционированные, как сказали бы сегодня. Что стало причиной бури? Об этом много написано, сказано и пересказано. Напомню лишь то, что причиной всеобщего возбуждения стало изъятие из проекта новой конституции упоминания о государственном статусе грузинского языка.

– А кто инициировал изъятие?

– Это ни для кого не представляло секрета: инициатива исходила из верхов, из Кремля, от идеологического сегмента политбюро ЦК КПСС, а конкретно – от Михаила Суллова, влиятельнейшего партийного руководителя, который курировал вопросы идеологии на всем пространстве тогдашнего

СССР.

– И как была воспринята эта новация?

– Разумеется, в самых широких кругах грузинской общественности она вызвала неприятие и возмущение. Ситуация и впрямь выглядела абсурдной и, на первый взгляд, малопонятной. Ведь согласно советской же конституции, Грузия вроде бы обладала самыми широкими правами, вплоть до права свободного выхода из состава Советского Союза. Да и с атрибутикой, в соответствии с этой конституцией, тоже все как будто было в порядке: имелся свой герб, был флаг, был гимн. Естественно, возникло недоумение: по какому праву и на каком основании изымался из конституции пункт о статусе грузинского языка, сохранившийся в прежнем основном законе республики в течение сорока с лишним лет?

– Но было же, наверно, какое-то обоснование этого, пусть абсурдного и малопонятного, как вы говорите, проекта? Ведь кто-то же его отстаивал, высказывал какие-то аргументы...

– Разумеется, такие люди были, и аргументы тоже высказывались самые разные, которые, впрочем, без особого труда разбивались контраргументами противоположной стороны. Но был один довод, совершенно «железный», приводимый сторонниками изъятия пункта о языке в качестве самого последнего своего оружия. Непререкаемость довода была обусловлена, как ни комично это сегодня прозвучит, ссылкой на Ленина, на некоторые его цитаты, из которых явствовало, что «великий вождь мирового пролета-

риата» никаких государственных языков не признавал, за что от него, кстати, очень сильно попало и ревнителям государственности русского языка. Конечно, в молодежных кругах во время дебатов по проекту конституции никаких ссылок на Ленина замечено не было, но в некоторых «взрослых» аудиториях на финише двух- или трехчасового обсуждения вдруг вставал с места какой-нибудь «идеолог» и начинал «крушить» знакомыми аргументами: «Да, против ваших доводов возразить трудно, но вот Ленин...» А дальше лилась все та же старая песенка. Да, комично это звучит сейчас. А тогда выглядело непреодолимым препятствием. Каждое ленинское слово считалось незыблемой догмой.

– Как отреагировали на законопроект национальные меньшинства Грузии?

– Не имею полномочий говорить от имени или по поручению кого бы то ни было. Но одно отметить могу: грозящую грузинскому народу беду осознавали все нации, населявшие Грузию. Ведь подобная же беда завтра могла постигаться в дом каждого. Кому это было знать лучше, чем мне, представителю народа, лишившегося в 1937 году возможности изучать родной язык, приобщаться к родной культуре, смотреть спектакли и читать газеты на родном языке?! Да и, честно говоря, беда тогда уже пришла. Она уже стала реальностью – ведь новации, аналогичные грузинским, были внесены в проекты конституций и Армении, и Азербайджана.

– Почему же товарищи Сулов и иже с ним решились на подобное, какие цели ставили перед собой? На ваш, разумеется, взгляд.

– Еще в университете я часто задавался вопросами: почему, например, в советской историографии русский император Александр Второй, отменивший, как известно, крепостное право, причислен к числу оголтелых реакционеров? Как могло случиться, что именами убийц, учинивших над этим царем-освободителем кровавую расправу, назывались по воле большевистских властей улицы и площади? Или почему столь непримиримую борьбу вел советский режим с религиями, служителями культов, которые, по моим наблюдениям, во все прошлые века достаточно легко

С Эдуардом Шеварднадзе

уживались с властью предрешающими и особенно не портили им кровь? Позднее стал понимать, что в том государстве, которое создавалось на обломках бывшей Российской империи, уже был один «освободитель» – Ленин, и ни о каком другом «народном герое» речи быть не могло. Так проще управлять страной. Не было нужды и в столь большом количестве религиозных мировоззрений: православие, католицизм, ислам, буддизм, иудаизм... К чему ломать голову над тем, как подобраться к этой неоднородной человеческой массе, если существует универсальнейшая религия – марксизм-ленинизм, с помощью которой манипулировать этой самой массой не составляет никакого труда? По-моему, то же самое происходило и в отношении к языкам. Ведь с населением такой необъятной страны, как СССР, проще говорить на одном языке, чем на десятках языков и наречий. Вот и было принято решение избавляться от статусов государственных языков в национальных республиках и всех причислять под одну гребенку. А начали с Грузии. И в Грузии же и обожглись, получили отпор, подобного которому не было прежде нигде. Я думаю, что старцы, окопавшиеся в политбюро, пытались таким способом облегчить непосильное для себя бремя управления государством. И просчитались. 14 апреля на сессии Верховного Совета Грузии депутаты единогласно приняли решение сохранить в новой конституции республики пункт о государственном статусе грузин-

ского языка.

– Известно, что это решение принималось на фоне массовой демонстрации в Тбилиси в поддержку государственного статуса национального языка у Дома правительства. А как проходило обсуждение конституций и языкового статуса в других республиках?

– Насколько я помню, пункт о государственном языке в действовавших на тот момент конституциях союзных республик, кроме Грузии, сохранялся лишь в Азербайджане и Армении. Вы спрашиваете, как проходило обсуждение там? Из-за отсутствия информации касаться этой темы не считаю возможным. Но одно сказать могу: после того, как в конституции Грузии статус государственности грузинского языка был сохранен, и в конституции Азербайджана, и в конституции Армении параграфы о государственности национальных языков также были восстановлены.

– Что вы можете сказать о ключевых фигурах событий 14 апреля?

– Ключевые, как вы говорите, фигуры событий 14 апреля – это множество имен. Но начать, конечно, следует с Эдуарда Шеварднадзе, тогдашнего руководителя Грузии, чье решение (а это было, конечно, в первую очередь, его решение, причем связанным с большим риском) оставить в новой конституции прежний пункт о государственном статусе грузинского языка требовало немало мужества. Именно на его плечи легла эта тяжелейшая и вместе с тем счастливая миссия, хотя в полной мере счастливой она ста-

ла лишь после того, как кремлевские вершители человеческих судеб смирились со своим поражением и отступили. А ведь все могло сложиться совершенно иначе, и на карьере тогдашнего первого лица республики могла быть поставлена жирная точка.

– Каким остался в вашей памяти этот патриарх грузинской политики?

– Память хранит многое. Особо запомнилась последняя очная встреча – в день 85-летия Эдуарда Амвросиевича. Перед тем, как отправиться на семейный ужин в его резиденцию в Крцаниси, я долго ломал голову, что взять юбиляру в подарок. Вспомнил, что у меня в баре лежит фирменная бутылка водки под названием «Шеварднадзе», которую много лет назад мне самому подарили на день рождения. Раньше такой водки в магазинах лежало навалом, а сейчас днем с огнем не сыщешь. Вот эту бутылку, разумеется, красиво упакованную, вместе с большой алой розой я и презентовал Эдуарду Амвросиевичу.

В последний юбилейный день рождения Эдуарда Шеварднадзе за накрытым столом в его резиденции собрались сын Паата, дочь Манана с семьями, родственники, небольшой круг друзей и единомышленников. В центре стола место занял сам Эдуард Шеварднадзе. Увы, по всему чувствовалось, что годы подточили здоровье президента. Он почти не вмешивался в оживленный разговор за столом, молча внимая зазданным тостам, звучащим в его честь. Видеть таким его, обычно блистательного собеседника, душу, как говорится, общества, было невыносимо больно.

А до этого было поздравление, которое Эдуард Шеварднадзе прислал по случаю 90-летия со дня выхода в свет первого номера нашей газеты «Вечерний Тбилиси». Теплое, проникновенное послание человека, прекрасно знающего цену яркого слова и умеющего четко и ясно выражать свои мысли. Да, Шеварднадзе был предельно внимателен как к праздничным, так и скорбным датам. Например, по моей просьбе, он живо откликнулся на десятилетие со дня смерти своего помощника и спичрайтера Теймураза Степанова-Мамаладзе, начинавшего творческий путь

в тбилисской «Вечерке». Забегая вперед, скажу, что это письмо Шеварднадзе стало поводом для моего более близкого знакомства с сыном Степанова – Георгием, а через него мне в руки попали и дневники Теймураза. Благодаря этим дневникам, как и благодаря мемуарам самого Шеварднадзе, прочитанным несколько ранее, я с головой окунулся в мир большой политики, в котором главным действующим лицом был бывший министр иностранных дел СССР – Эдуард Шеварднадзе. Позднее эти дневники были изданы отдельной книгой, а предисловие, написанное мною, стало поводом для нескольких телефонных звонков из Крцанисской резиденции. Помощница президента Марина Давиташвили говорила: «Сейчас Эдуард Амвросиевич перечитывает ваше предисловие и хочет подарить...» Я прикладывал трубку к уху и пытался сообразить, что именно из написанного (предисловие писалось в спешке, книга уже была готова к печати) зацепило Шеварднадзе. По-моему, догадался. Зная характер Эдуарда Амвросиевича, думаю, что речь шла об этих словах: «Если бы в ноябре 2003 года Шеварднадзе было не 75, а хотя бы лет на 10-15 меньше, то он, конечно же, легко бы «уложил на лопатки» всех своих бывших «воспитанников», бросивших ему вызов на политическом поприще в Грузии. И мы с вами, наверное, так никогда и не узнали бы ни о какой «революции роз». Ее просто бы не произошло!»

– Кого еще вы бы назвали в списке главных действующих лиц тех событий?

– Значительной фигурой в этом перечне имен, естественно, должен быть назван и Акакий (Како) Бакрадзе, писатель, публицист, историк, с которым столкнула меня судьба в период его работы литсотрудником газеты «Молодежь Грузии», куда его, вечного правозащитника и вечного диссидента, отправили в «ссылку» после очередного конфликта с властями. Мы встретились в Душети, куда я, еще будучи студентом ТГУ, приехал по заданию «Молодежки» писать материал о школьном строительстве, и где вдруг выяснил, что здесь уже находится еще один представитель «моей» газеты. Так мы познакомились. Акакий предложил

составить ему компанию в путешествии по району. Никогда не забуду этих впечатлений. То был год юбилея Важа Пшавела, и мы с Бакрадзе, конечно же, побывали в Чаргали, в скромной обители поэта, где старший коллега все рассказывал и рассказывал о выросшем в этих краях литературном гиганте-самородке, а перед моим мысленным взором предстал человек, спускающийся с гор с хурджином за плечами и с тетрадкой с новыми стихами в руках. Потом мы съездили в село Магароскаро на выставку картин талантливого сельского художника, о котором впоследствии Како тоже опубликовал очерк в «Молодежке». Меня удивило: Бакрадзе вроде бы не очень складно говорил по-русски, но писал на этом языке превосходно. Позднее, вспоминая нашу поездку, я не раз перепроверял это свое впечатление, находил в подшивке газет душевные материалы Акакия, перечитывал и убеждался: нет, все верно, писал по-русски он мастерски! Впоследствии Како Бакрадзе из редакции «Молодежки» ушел, а к моменту описываемых событий, т.е. в апрельские дни 1978 года, работал директором театра имени Руставели, где и взял на себя роль глашатая общественного протеста. Выступления Бакрадзе цитировались студентами и молодежью, они переписывались либо перепечатывались на машинке и передавались из рук в руки. Вспоминается любопытный эпизод: во время очередной дискуссии по поводу конститу-

ционных «реформ» один из ее участников вдруг сообщил, что Како Бакрадзе выглядывает из окна своего театра на проспекте Руставели и «язвительно» улыбается. Последовал вопрос к руководству республики: почему оно это допускает? Словом, в те дни улыбка Како Бакрадзе из театрального окна одними воспринималась как обнадеживающий, а другими – как угрожающий симптом.

Когда в 1992 году Шеварднадзе вернулся из Москвы и вновь возглавил страну, мы с Акакием Бакрадзе вошли в сформированный при нем Совет Главы Грузинского государства, стали чаще встречаться, и я напомнил ему о нашем незабываемом путешествии на родину Важа Пшавела.

– А как в Кремле оценили деятельность своего тогдашнего, как сказали бы сегодня, «наместника» в Тбилиси, то есть второго секретаря ЦК компартии Грузии? Ему досталось?

– Разговоры о наместничестве – это часть нынешней дешевой пропаганды. Можно подумать, будто сейчас, причем даже в странах, гораздо меньших по размеру, чем тогдашний Советский Союз, руководители в центре не хотят иметь на местах, т.е. в регионах, преданных себе людей. Но одно дело хотеть, а другое – суметь. Разумеется, лица, занимавшие посты вторых секретарей в республиканских парторганизациях, направлялись из Москвы, ну и, конечно, они получали в Кремле соответствующие инструкции. Но в дальнейшем

С Католикос-Патриархом
всех Грузии Илией II

Редактор газеты «Ахалгазда комунисти» Джемал Нинуа, Жиули Шартава, второй секретарь ЦК комсомола Грузии Иосиф Орджоникидзе и Вадим Анастасиади

происходило то, без чего немислима ни одна административная система, а уж административно-командная система и подавно: начиналась и велась незатухающая борьба личностей, характеров, интеллектов, организаторских способностей, как открытая, так и подковерная. И ошибается тот, кто полагает, что в этом соотязании перевес всегда был на стороне «наместников». Например, к моменту прихода к власти в Тбилиси Эдуарда Шеварднадзе вторым секретарем, то есть «наместником», как вы говорите, оказался человек по фамилии Чуркин. Но не прошло и нескольких месяцев, как он был с треском снят с работы и исключен из партии, что в те годы считалось тяжелейшим наказанием. Как удалось Эдуарду Амвросиевичу так быстро избавиться от неудобного «наместника», известно ему одному. На место Чуркина из Москвы прибыл Геннадий Колбин. Вряд ли у кого-нибудь в Грузии повернется язык назвать этого человека «наместником», ибо он стал помощником и соратником Шеварднадзе во многих его начинаниях, что проявилось, в частности, и в бурные апрельские дни 1978 года, когда Колбин обеими руками поддержал требование грузинского народа о сохранении статуса родного языка. И вовсе не потому что был тенью Шеварднадзе, как, быть может, думает кто-то: последующие назначения Колбина руководителем Ульяновской области, а затем (подумать только!) первым секретарем ЦК

компартии Казахстана (правильно ли это было или нет – другой вопрос) красноречиво говорят о том авторитете, которым он пользовался в руководстве СССР.

С отъездом из Тбилиси Колбина вторым секретарем стал Борис Никольский, совсем еще молодой человек, не смевший ни в чем перечить в Грузии своему новому шефу. После же назначения Шеварднадзе руководителем МИД СССР Никольский стал партнером Джумбера Патиашвили, и все началось, судя по всему, по новому кругу. Но это уже другая история. Ну а в самом конце, уже перед крушением в Грузии коммунистического режима, исполнять роль второго секретаря и, следовательно, «наместника» было поручено тбилисскому парню, инженеру Шурику Павшенцеву. Многим это напомнило знаменитую фразу из рязановской кинокомедии «Карнавальная ночь»: «Бабу Ягу со стороны брать не будем – воспитаем в своем коллективе».

– *Что еще вы можете сказать о судьбах персонажей событий 14 апреля?*

– Тбилисскую пилюлю политбюро ЦК КПСС вроде бы проглотило, но оргвыводы сделало. Спустя некоторое время с поста секретаря ЦК компартии Грузии по идеологии «ушли» Викторию Сирадзе, интеллигентного человека и обаятельную женщину. Последовали и другие кадровые пертурбации. Политбюро отозвало свое же решение о переводе в Москву на пост секретаря ЦК

ВЛКСМ тогдашнего первого секретаря ЦК комсомола Грузии Жиули Шартава, хотя из-за этого пришлось отказаться от принципа ротации кадров, действовавшего в ЦК ВЛКСМ уже многие годы. Суть принципа состояла в том, что один из постов секретаря ЦК ВЛКСМ в Москве поочередно, с определенным интервалом, занимали представители трех закавказских республик – Азербайджана, Армении и Грузии. К моменту описываемых событий посты секретаря в Москве уже позанимали азербайджанец Везиров и армянин Арутюнян. Теперь наступал черед Грузии. Вопрос по кандидатуре ни у кого сомнений не вызывал – секретарем должен был стать Шартава. Формальное решение по этому вопросу должен был принять 18-й съезд ВЛКСМ, открывшийся 23 апреля. События, происшедшие в Тбилиси за 9 дней до съезда, все изменили. За слабую воспитательную работу и попустительство «националистически настроенным элементам» в молодежной среде (как квалифицировали в руководстве ЦК КПСС события 14 апреля), конечно же, в первую очередь, пришлось расплачиваться тогдашнему первому секретарю ЦК комсомола Грузии. Правда, работы его не лишили, но перевод в Москву был снят с повестки дня. Секретарем ЦК ВЛКСМ стал руководитель комсомола Азербайджана Вагиф Гусейнов. Лишь через четыре года Грузия получит право направить своего представителя на секретарскую должность в Москву, и этим представителем станет уже преемник Шартава на посту первого секретаря Иосиф (Сосо) Орджоникидзе, проработавший в ЦК ВЛКСМ с 1983 по 1990 год. Позднее Иосиф, или Сосо Николаевич, как его еще называли, перешел в правительство Москвы, занимал пост вице-мэра российской столицы, курировал важнейшие международные проекты. Судя по тому, что имя его то и дело фигурировало в списках самых состоятельных людей России, вроде бы не бедствовал. А Жиули Шартава погиб 27 сентября 1993 года от рук боевиков-сепаратистов при падении Сухуми вместе с группой других защитников города.

Принято считать, что от судьбы не уйдешь. Так ли это? Я очень часто задумываюсь над

вопросом: как сложилась бы жизнь Жиули Шартава, если бы бурные события 14 апреля 1978 года обошли его биографию стороной?

– Почему Шеварднадзе назначил председателем правительства Абхазии в 1993 году именно Шартава?

– Сейчас, когда я пытаюсь разобраться в мотивах, побудивших тогдашнего главу уже независимой Грузии Эдуарда Шеварднадзе отправить Жиули в качестве предсовмина Абхазии в самое пекло абхазской войны, то все как бы лежит на поверхности. Проследить это логическое построение особой сложности не представляет: ряд влиятельных чинов в непокорной Абхазии (С. Багапш, С. Таркил, Н. Ашуба и другие), определявших ее политику, выросли под комсомольским крылом Шартава, были выпестованы им и, надо полагать, считали себя обязанными ему своей карьерой. Кроме того, Жиули являлся одним из активных проводников шеварднадзевских реформ, связанных, в частности, и с улучшением преподавания абхазского языка, и образованием абхазского университета, и созданием абхазского телевидения... Следовательно, если продолжить это логическое построение, у Шартава имелся шанс, используя свой безусловный авторитет и личные связи, как-то повлиять на ситуацию в Абхазии, смягчить ее, ну и, если удастся, попытаться расхлебать кашу, столь круто заваренную местными политиками...

Думаю, все-таки, что эти надежды были построены на песке. Личные взаимоотношения, конечно же, имеют большое значение, но они перестают или почти перестают играть свою роль, если на чашу весов брошены ценности более значимые, нежели эти отношения. И мой упрек в адрес абхазских выдвиженцев Шартава состоит вовсе не в том, что они ничего не предприняли со своей стороны для реализации шеварднадзевского замысла, а в том, что спокойно дали убить Жиули Шартава...

Я знаю, что Жиули ехал в Абхазию с намерением содействовать миру. Разумеется, в рамках переданных ему полномочий, которых, как выяснилось, оказалось недостаточно, чтобы распутать сложный абхазский узел.

Как мне кажется, он делал все возможное, чтобы своими словами и поступками быть услышанным и понятым другой стороной. Даже в простом перечислении конфликтующих сторон в своих публичных выступлениях он старался соблюсти равенство, и если, скажем, в одном случае начинал какое-нибудь перечисление с Грузии, то сразу же повторял ту же фразу, поставив на первое место уже Абхазию. Иногда это выглядело просто наивно. Приезд Жиули Шартава в осажденный Сухуми в качестве руководителя правительства автономной республики сразу же отразился на жизни города и горожан. Заработали некоторые крупные предприятия и учреждения, возобновилась подача воды, стал функционировать общественный транспорт, по графику стала подаваться электроэнергия, начал выдавать продукцию хлебозавод.

Но поезд, видимо, уже ушел...
– Вы были свидетелем подписания рокового для Грузии соглашения в Сочи, согласно которому Грузия обязывалась вывести из Абхазии всю боевую технику.

– Помню, что самолет с грузинской делегацией и журналистами на борту, вылетевший из Тбилиси, совершил посадку в Сухуми – забрать Шартава. Но он ехать в Сочи отказался. Я видел, как его уговаривали отправиться на подписание соглашения тогдашний вице-спикер парламента Вахтанг Гогуадзе, сотрудники МИДа Грузии. Но Жиули был непреклонен. Видимо, он догадывался или даже предвидел, к каким драматическим последствиям может привести этот договор, и не хотел брать на себя ответственность за его подписание. Так и вышло. Всего лишь месяц спустя, воспользовавшись тем, что вся боевая техника грузин была выведена из Абхазии, как это и было предписано соглашением, неприятель пошел в наступление. Впрочем, не ехать в Сочи и не подписывать соглашение тоже было нельзя.

На дворе стоял июль. Дул сухой жаркий ветер. Штаб Жиули располагался в аэропорту Копитнари. За тот час, что мы провели в Сухуми, мой знакомец по Тбилисскому горкому партии Лондер Цавава, работавший заместителем у Жиули, рассказал, что этой ночью город чуть было

не пал. Ополченцы из Тбилиси, защищавшие подступы к Сухуми, неожиданно бросили свой участок фронта и... отправились в аэропорт – лететь домой. Подобные выходы, увы, не являлись редкостью. К счастью, неприятель всего этого не знал, иначе Сухуми мог быть сдан еще той ночью. Таким образом, город сопротивлялся из последних сил, выбора у грузинской стороны не было, договор надо было подписывать.

В сочинском аэропорту грузинскую делегацию ознакомили с проектом соглашения. Все происходило в спешном порядке, без какой-либо конфиденциальности, в присутствии журналистов. Зачитывал текст представитель российского МИДа. Ни одного возражения, ни одной поправки внесено в него не было.

Из аэропорта выехали в гостиницу «Жемчужина», где проходило подписание документа. «Тамадой» на этой церемонии был тогдашний шеф российского МИДа Андрей Козырев, который вместе с Вахтангом Гогуадзе и абхазским представителем Сокрытом Джинджолия поставили свои подписи под соглашением. Сделали они это тремя шариковыми ручками зеленого цвета, с логотипом отеля «Жемчужина». Одна из них до сих пор хранится в моем сейфе вместе с репортажем, который я опубликовал в «Вечернем Тбилиси» об этом событии. Тогда многим, и мне в том числе, казалось, что встреча в Сочи и подписанный там документ положат начало доброму миру на этой земле. А он стал синонимом кровопролитного противостояния...

– После падения Сухуми на базе «Вечернего Тбилиси» было издано несколько номеров газеты «Демократическая Абхазия»...

– Будучи студентами четвертого курса Тбилисского университета, я с моим другом и однокурсником Юрием Гавва на свой страх и риск, выпросив сопроводительку от кафедры журналистики, почти без денег, с одним лишь желанием проверить себя, отправились на практику в Сухуми – в весьма популярную тогда газету «Советская Абхазия». Провели там незабываемые и плодотворные два месяца. Позднее Юра связал с этим изданием свою судьбу, работал корреспондентом, заведующим отделом, затем возглавил

газету, переименованную к моменту описываемых событий в «Демократическую Абхазию». Когда сепаратисты захватили город, Юра на длительное время пропал, слухи ходили самые мрачные. Потом выяснилось, что он пленен и содержится в застенках тюрьмы в Гудаута. Группа московских журналистов и правозащитников стала хлопотать о его вызволении, а я объявил, что пока Юра заперт в тюрьме, буду выпускать на базе нашей «Вечерки» его «Демократическую Абхазию»...

– Какое влияние оказали события 14 апреля на вашу судьбу?

– 17 апреля 1978 года, т.е. спустя три дня после той исторической сессии Верховного Совета, решением бюро ЦК компартии Грузии я был утвержден редактором газеты «Молодежь Грузии». Конечно же, нашлись люди, которые намекали, а некоторые и прямо говорили, что меня, грека по национальности, вряд ли могли назначить на эту должность при других обстоятельствах, тем более что один грек, Па-

вел Асланиди, к тому времени уже редактировал одну из трех газет, выходящих на русском языке в Тбилиси. Иметь двух редакторов-греков на три русские газеты, даже в таком крупном городе, как Тбилиси, казалось перебором мне самому. А что уж говорить о других? По сей день вспоминаю картину: я сижу и рисую макет очередного номера газеты, а наши сотрудники, собравшись вокруг меня в моей комнате, перебирают имена возможных кандидатов в редактора. Мое имя в этом списке даже не упоминалось. Но я знал, что мое назначение с событиями 14 апреля не связано. Еще в феврале на очередном съезде комсомола Грузии, когда об апрельских событиях никто и думать не думал, совершенно неожиданно для себя я был избран членом Центрального комитета комсомола. Инициатива исходила, разумеется, от Жиули Шартава. Это было весомым намеком на то, что моя кандидатура на вакантный пост редактора молодежной газеты рассматривается всерьез, ведь никогда прежде заместитель редактора молодежной газеты, коим я тогда являлся, в члены ЦК не избирался.

– *Наша беседа проходит в доме, расположенном на улице Жиули Шартава...*

– Да, раньше она называлась Анагской. После гибели Жиули, в комиссии по увековечению его памяти, в которую входил и я, в кабинете у Нико Лекишвили, тогдашнего госминистра Грузии, долго не могли прийти к единому мнению по поводу местонахождения будущей улицы Шартава в Тбилиси. Все предлагавшиеся и обсуждавшиеся варианты по разным причинам отклонялись: или улица была слишком невзрачная, или район неподходящий и так далее. И тогда я предложил назвать именем Жиули Шартава улицу, на которой живу.

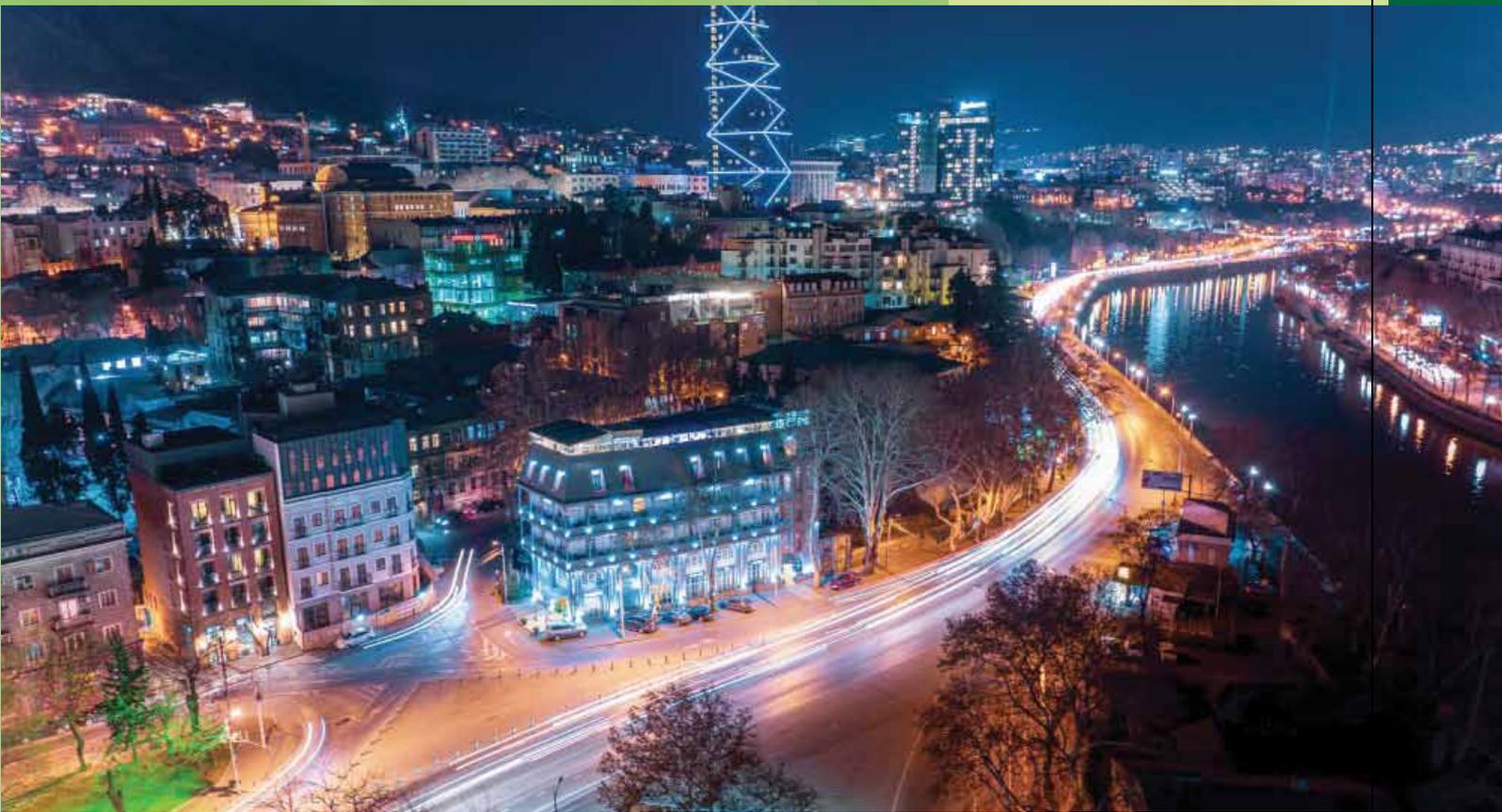
Однажды, наблюдая за Жиули, орудовавшим вместе со всеми с лопатой в руках в сквере комсомольского городка имени Бориса Дзnelадзе – своего дедушки, я подумал, что именами вот таких энергичных, целеустремленных людей, как он, называют города, районы, улицы. Разве мог я тогда подумать, что это произойдет так скоро?!

– *Какие уроки можно извлечь из событий 14 апреля 1978 года и других описанных вами перипетий современной истории Грузии?*

– Уникальность 14 апреля в современной истории Грузии состоит в том, что в этот день все слои грузинского общества были объединены вокруг одной общей идеи. Пусть временно, но были отложены в сторону противоречия между отцами и детьми, сытыми и голодными, бедными и богатыми, работягами и интеллигенцией, партноменклатурой и оппозицией. Поднялись на дыбы не только студенчество, но и убеленная сединами профессура. Школьные педагоги шли в колоннах демонстрантов к зданию Дома правительства рядом со своими учениками. Высокопоставленные партийные и государственные чиновники, будто забыв о грозившей им опасности, открыто высказывали возмущение по поводу нелепого замысла идеологов из политбюро.

Вот закрываю сейчас глаза и вижу: площадь перед Домом правительства заполняется людьми. С развернутыми плакатами, транспарантами и лозунгами в защиту родного языка в толпу собравшихся вливаются все новые и новые колонны. К 10 часам утра народное море плещется уже на всем протяжении от Дома правительства до гостиницы «Иверия». Люди, следившие за работой сессии Верховного совета республики по телевидению, видели, как взволнованный председатель КГБ Грузии Алексей Инаури то выходит через заднюю дверь из зала заседаний, то вновь возвращается. И периодически посылает какие-то записки стоящему на трибуне Шеварднадзе. Вот-вот выступающий подойдет в своем докладе к самому главному – тому, что занимает сейчас мысли сотен тысяч людей по всей Грузии. Ну а потом будет кульминация всего этого действия, всплеск чувств, апофеоз удовлетворения, радости и счастья при мысли, что одержана большая победа. И чей-то возглас: «Когда страна едина, она непобедима!»

Только хочется, чтобы вспоминали об этом почаще.

ТБИЛИСИ – ДОМ НАШ НЕБЕСНЫЙ

■ Манана ГЕДЕВАНИШВИЛИ

Перевод с грузинского Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

*На всем белом свете не сыщешь
мощного, нежного края,
Тифлису подобного.*

Сосо Гришашвили

Окончание

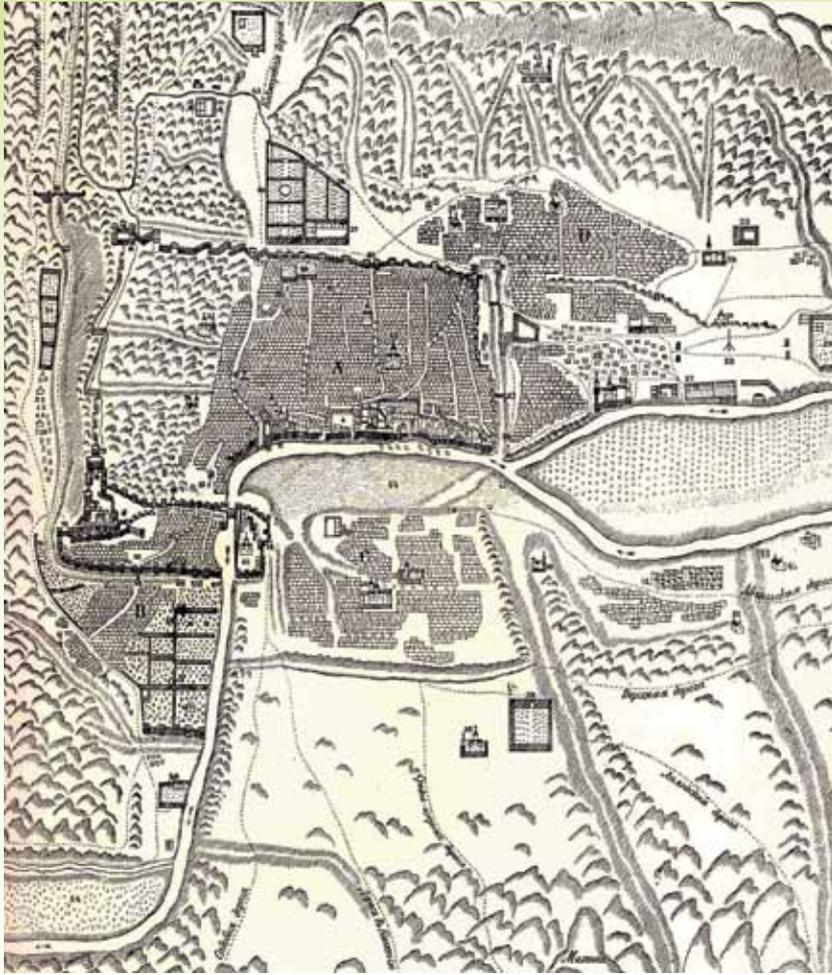
После нашествия Ага-Магомет-хана Тбилиси снова начинает возрождаться. Расширение столицы Грузии в XVII-XVIII вв., освоение новых мест происходило за пределами города. Территория, которая находилась за пределами Старого города – Кала, к северу и западу от него, называлась Гаретубани, или Гарреубани – Внешний квартал. На карте Вахушти Багратиони вся территория Гаретубани покрыта комплексами строений. Население сдвигается все дальше от стены города, к северу. На территории от Кашвети вверх по Куре, на обеих сторонах Дигомской дороги, были земли горожан, которые достигали русла реки Вере и подножия Цхнети. В самом Цхнети многие земли принадлежали горожанам. Родственники царской семьи и бо-

гатые феодалы селились именно в Гаретубани. Им и в голову не приходило строить свои дома в центре города, в Кала, за счет разрушения старых домов.

Согласно плану Вахушти, поселение Гаретубани имело примерно форму треугольника, от Калаубани – Крепостного города до Кашвети. В Гаретубани у опоры, встроенной в городскую стену, был построен дворец Багратион-Мухранских. В 1751 году Теймураз II пожаловал военачальнику Ревазу Орбелиани землю под дворец в Гаретубани, у берега Куры, и в дальнейшем на этом месте стоял дом Григола Орбелиани. В Гаретубани с 1712 года находился дворец Хорамзе Багратиони, также здесь находились дворцы Херхеулидзе, Абашидзе, Цицишвили. Часть земель принадлежала

военачальнику Католикоса, князю Шиошу Гедеванишвили.

В 1795 году вторгнувшийся со стороны Сoganлуги Ага-Магомет-хан почти полностью сровнял с землей Тбилиси. После смерти Георгия XII, вследствие борьбы различных группировок за власть, в Грузии сложилась нестабильная политическая ситуация, чем воспользовалась Россия и в 1801 году присоединила Грузию к Российской империи. В новой социально-политической обстановке Тбилиси не то что потерял старое значение, а напротив, стал административным центром Кавказа и одним из самых больших городов империи. Городом управлял генерал-губернатор, который подчинялся наместнику царя. Градостроительство Тбилиси в это время было под контролем Кавказской администрации. В начале XIX века главнокомандующий на Кавказе князь Цицианов (Цицишвили) принял активные меры против беспорядочной застройки города. В 1810 году он пишет комен-

План Тбилиси, составленный Вахушти Багратиони. 30-е годы XVIII в.

данту Тбилиси, князю Саакадзе: «Так как в Тифлисе строительство домов происходит безо всякого порядка, и так как никто не следит за ограничением улиц, постановляю ... в будущем, без моего особого утверждения, не допускать их строительства, а находящимся сегодня в состоянии строительства приказываю прислать уведомление, чтобы я самолично проверил». Со временем был создан «Комитет о приведении г. Тифлиса в лучшее устройство». В 1832 году он был переделан в «Губернскую строительную комиссию Тифлиса», которая определяла правила застройки города, рассматривала проекты, и без согласия которой было невозможно строить дома.

Власть города постановила не проводить «никакие ремонтные работы и новые строительства» без согласия комиссии. Государственные реформы (с 1864 года) коснулись и правления города. Отныне городские дела решали городское законодательное собрание и правление города. В решении спец-

ифических вопросов в жизни города большую роль играли духовные учреждения, например, Синодальная контора экзарха Грузии.

Тбилиси рос быстро, за несколько десятилетий столица приняла европейский облик. Исторический Тбилиси строился террасами на горных склонах с учетом местного рельефа и топографии. В первой половине XIX в. новые улицы проводили на пустых землях, и планировка этой части типична для любого европейского города. Строительство города особенно интенсивно проводилось в 1840-60 гг. В 70-х годах Соллоаки и часть города до районов Вере и Мтацминда застроили домами европейского стиля, там проложили широкие улицы. Самой широкой был Головинский проспект, самой длинной – Михайловская улица.

Дальнейший рост города проходил за счет окраин. В 1870-х годах районы Вере и Ортачала еще не были населены. В 1864 г. в Тбилиси было 70 церк-

вей и соборов (православных и григорианских), одна католическая, две лютеранские церкви, две синагоги и две мечети. Тбилиси строили как приехавшие из России архитекторы, так и приглашенные из Италии богатыми тбилисцами. Поэтому город повторяет те архитектурные направления, которые характерны для Европы, Петербурга и Москвы. Здесь строились различные учреждения, дворцы, банки, гимназия, училища в стиле ампир, барокко, классицизм, эклектика и неоклассицизм. Целые районы Тбилиси представляют великолепные образцы стиля модерн. В Тбилиси построены несколько домов, цоколи и первые этажи которых облицованы рельефными квадратами натурального серого камня, что вызывает ассоциации с палаццо Андреа Палладио периода позднего Возрождения. (Такие дома были построены и во времена Сталина). В Тбилиси работает известный архитектор Александр Шимкевич, который строит жилые дома и здания, где сейчас располагаются театр Руставели, консерватория, Верховный суд. По его проекту построен павильон нижней станции Фуникулера. Наряду с этим грандиозным строительством горожане строят дома, где элементы старого тбилисского дома сочетаются с европейским стилем. Так появились дома с закрытыми галереями (балконами), дома с открытыми дворами. Балконы были и на фасаде, и со стороны открытого двора. Стиль такого дома – «полуевропейский» и «полуазиатский», как было сказано ранее, характерен только для Тбилиси. Архитекторам и горожанам тех времен интуиция подсказывала использовать необыкновенный ландшафт столицы, строить дома таким образом, чтобы они были повторением и завершением естественных спусков-подъемов. Так был создан тот Тбилиси, неповторимый облик которого и сегодня чувствует иностранец, и для него этот город именно потому и становится привлекательным: «Ожог глазам, рукам – простуда, Любовь моя, мой плач – Тифлис, Природы вогнутый карниз, где Бог капризный, впад в каприз,

над миром примостил то чудо» (Белла Ахмадулина).

Настал XX век. «Каков будет новый век для города Тифлиса? Об этом одни говорят, что он будет безоблачным и прекрасным, ибо красота неотъемлемое его свойство. Другие же считают, что Тифлис, который не раз бывал разрушен вражеским мечом, ожидают немалые испытания. В обоих случаях Тифлис будет жить, ибо он – восстающий из пепла феникс...» (Ака Морчиладзе «Перелет на остров Мадатова и обратно»). К сожалению, Тбилиси стал жертвой русской революции и грузинского «филиала» социал-демократической партии России. Многовековая закрытость, характерная для регионов страны, психологическое отчуждение мешало консолидации грузинского народа. Агрессивная и темная сила, вооруженная идиотскими лозунгами, уничтожала все, что было связано с исторической памятью нации (Тамаз Чхенкели, Рези Тварадзе «Обновленная Иверия», 2000, №8-9). Разрушались церкви и соборы, старые районы, мосты, мечети, старые тбилисские или европейские дома – «новому социуму» «подобает» «новая» архитектура. Сегодняшняя жизнь в первую очередь должна была остановить эти процессы. Но, деяния необразованных нуворишей и их покровителей опять продолжили путь того «революционного» разрушения. Вновь от имени «нового социума» уничтожают дома и районы исторического ядра Тбилиси, отнимают наш общий, если можно так выразиться, «сверхдом». Дом наш небесный...

Как отмечалось ранее, на протяжении веков практика градостроительства в Европе, России и дореволюционной Грузии бережно, с умом обращалась с архитектурным наследием. Расширение городов происходило путем освоения новых свободных земель. В Грузии цари и правители берегли старину, и новые строительства начинали на окраинах города. Говорят, о вкусах не спорят, но это выражение касается вкусов отдельной личности, а когда весь народ, все общество, на протяжении веков вырабатывает

общую эстетическую точку зрения, происходит объективизация вкуса, и с этим фактором нужно считаться. Именно таким образом сформировались критерии классических пропорций красоты и другие общепризнанные эстетические взгляды.

Нельзя не соглашаться с тбилисцами, когда им не нравится, что мистический контур Мтацминда, особенно важный для Тбилиси, или рельеф Арсенальной и других гор перечеркиваются или заслоняются неуместными грандиозными зданиями.

Понятно возмущение горожан выстроенными на Пикир-гора и других возвышениях многоэтажными домами, превышающими по высоте саму гору, на которой они построены. За все рамки дозволенного выходят многоэтажные здания, построенные на некоторых улицах города, строители которых ни во что не ставят ни фактор ограниченности улиц, ни то, как уродливо врезаются эти дома в пространство улицы, ни интересы населения.

Для Тбилиси особенно важны вопросы перспективы, на что, благодаря художникам Ренессанса, архитекторы всегда обращали большое внимание. В таких городах, как, к примеру, Москва, на бесконечно развернутой территории, не ограниченной горизонтом, высотные дома не ограничивают перспективу. В Тбилиси же, который расположен в ущелье и почти со всех сторон окружен горами и горными хребтами, вопрос ис-

пользования перспективой приобретает особое значение. Это хорошо понимали как строители Старого Тбилиси – профессиональные зодчие, так и сами горожане, поэтому Тбилиси был уютным городом с двух-, трех-, четырехэтажными домами. Главный проспект города, Руставели, тоже был построен так, что Мтацминда была видна из нескольких точек проспекта. Тем более важна перспектива для узких улиц, где житель и так ограничен инсоляцией, ионизацией и с точки зрения перспективы.

Подавление перспективы отрицательно воздействует на человека не только с эстетической и психологической точек зрения – подобные условия изменяют экологию, вызывают многообразные невротические, депрессивные состояния, эмоции агрессии и ненависти.

Таким образом, обезображивание улицы и района домами неподходящей высоты и архитектуры ухудшает жилищные условия коренного населения, что запрещено нашей конституцией. «Селитесь там, где не нанесете вред ближнему» – эти слова Пимена Великого призывают нас не только к соблюдению юридических законов, но и моральных норм, правил христианской этики. В Старом Тбилиси даже цари не нарушали уюта города, строго защищали существующее, восстанавливали разрушенное. После Ага-Магомет-хана, как уже сказано выше, сгорели царские духаны.

Головинский проспект. Конец XIX века

Tbilisi Marriott Hotel – лучший отель Европы в 1915 году

По приказу Ираклия II на месте сгоревших духанов наместник царя Иоанн Пентелашвили выстроил новые. Было построено 10 нижних духанов и 22 верхних. Ираклий II прямо указывает: «Духаны ставить в том же порядке и в такой же ряд, как и было прежде». А в другом документе царь требует: «Духан не должен быть выдвинут или задвинут».

Бывают такие люди, чья социальная ответственность понижена из-за дефицита личностных ценностей. Они считают, что максимизация прибыли все оправдывает, и не принимают во внимание те ценности, которые определяют правильные и неправильные поступки, т.е. ни во что не ставят этику. Сегодня в цивилизованном мире организации, фирмы и корпорации гораздо больше внимания обращают на этику, чем это было в прошлом. Организация обязана с ответственностью относиться к социальным и гуманитарным аспектам своей деловой активности. Следовательно, организации должны вносить позитивные ценности в жизнь общества. На Западе нарушение этики погубило не одну корпорацию и фирму. До революции при строительстве в Тбилиси домов, заказчик или архитектор соблюдал не только юридические, но и этические нормы, исходя из интересов проживающих там

жителей и сохранения облика города. Естественно, и власти города строго требовали соблюдения этих норм. Застройка Тбилиси без учета неустойчивости почвы на горных склонах просто опасна. В Старом Тбилиси особенно чувствовалось профессионально и эстетически оправданное использование масштабов и пропорций. Ни один местный или итальянский архитектор, или гражданин Тбилиси, не построил бы многоэтажный дом ценой изуродования ландшафта, улицы и всего города. Возмутительный пример невежества и бескультурья сегодня возведен в старейшей части Тбилиси – Абанотубани, что оскорбительно для всей нации и реально приводит к потере исторической ценности города. Городские власти должны обладать интуицией в вопросах градостроительства. Иначе, город, под влиянием «новшеств», может потерять то инстинктивное чувство масштаба, благодаря которому в свое время и был создан Тифлис XIX века. Возмутительных примеров набралось уже достаточно – на Плеханова, Мтацминда, Вере, Пикрис гора, где построены дома, которые являются печальным результатом пренебрежения принципов масштаба. Общество должно приложить все силы, чтобы сохранить ту малость, что еще осталась от исторического

Тифлиса. Понятно, что у многих людей есть желание жить в районах исторического центра столицы, но это их желание должно быть удовлетворено заселением в старые, уже существующие дома. Ремонт таких домов, их укрепление и модернизация интерьера будут и полезными для города, и коммерчески выгодным для владельца. А любители современных домов и квартир должны искать соответствующие свободные места за пределами исторического Тбилиси, где и экологические условия лучше. Понятно, что и в центральной части города становится необходимым в виде исключения заменять некоторые дома (амортизированные или неподобающие облику города). Однако такой процесс должен происходить в слиянии с ансамблями улицы и домов, с сохранением того же стиля, масштаба и количества этажей. Здесь можно привести такой пример: строитель в Петербурге получил право строить дом в желаемом месте только тогда, когда согласился с правлением города, что повторит те же фасад, высоту и перекрытия, какие были у снесенного в этом месте дома.

В генеральном плане развития парижского района 1965 года были намечены следующие задачи градостроительства: приостановка дальнейшего роста плотности населения Парижа; преобразование его моноцентризма в полицентрическую агломерацию путем создания новых центров в современных окраинах города; выбор осей урбанизации с учетом ландшафтных факторов; обновление периферийных районов, застройка которых не представляла исторической и художественной ценности. В последние годы особенно заметна тенденция сохранения исторического облика центральных районов Парижа. Новые урбанистические концепции обращают все больше внимания как на закономерности человеческого общежития, так и на архитектурное наследие прошлого. В свое время строго критическую оценку парижского общества заслужили строительство на плато Бобур, возведение Башни

Монпарнас, а также постройка университетского комплекса на площади Жюссье, что было названо «вторжением агрессивного градостроительства».

Во Франции новое мышление ориентировано на сохранение созданного силуэта, масштаба и «исторического климата» города. В парижских кварталах – Латинском и Маре в виде исключения происходит замещение отдельно взятых домов (ремонт которых невозможен!) по принципу композиционных аналогов. Современная архитектура центральных районов Парижа фактически является реконструкцией исторических застроек. Обсуждая урбанистическую проблематику, социолог и культуролог Жан Бодрийяр пишет: «Все более плотные скопления миллионов людей на городских территориях, их совместное проживание там неизбежно ведут к экспоненциальному росту населения, обусловленного тем обстоятельством, что в условиях вынужденного промискуитета люди как бы взаимно аннулируются. А это уже нечто противоположное социальному бытию или, наоборот, верх социальности, крайнее ее проявление, когда она начинает разрушаться сама собой... Наши мегаполисы, наши космополитические города – своего рода абсцессы, оттягивающие возникновение более крупных нарывов. Архитектура и градостроительство, повсюду запуская амбициозные щупальца, производят одних только монстров, не с эстетической точки зрения (хотя, увы, и такое часто бывает), а в том отношении, что эти монстры свидетельствуют об утере городом целостности и органичности, о его дезинтеграции и дезорганизации. Они уже не подчиняются ритму города, его взаимосвязям, а накладываются на него как нечто пришедшее со стороны. Даже городские ансамбли, наделяемые символической значимостью (Бобур, Форум, Ля Дефанс, Ля Вильет), представляют собой всего лишь псевдоцентры, вокруг которых образуется ложное движение. Их внешняя привлекательность словно создана для того, чтобы ошеломить туриста, а их

функция подобна функции места всеобщей коммуникации (аэропорта, метро, огромного супермаркета), места, где люди лишаются своего гражданства, подданства, своей территории. Даже когда подобные ансамбли создаются с культурными целями, они превращаются в центры поглощения и выделения; это всего лишь преобразователи потоков, механизмы со входом и выходом. Возникает впечатление, что это экспонаты, сбежавшие со всемирной выставки, а не новая часть города; они свидетельствуют о космополитическом и дезорганизованном характере развития нашего общества».

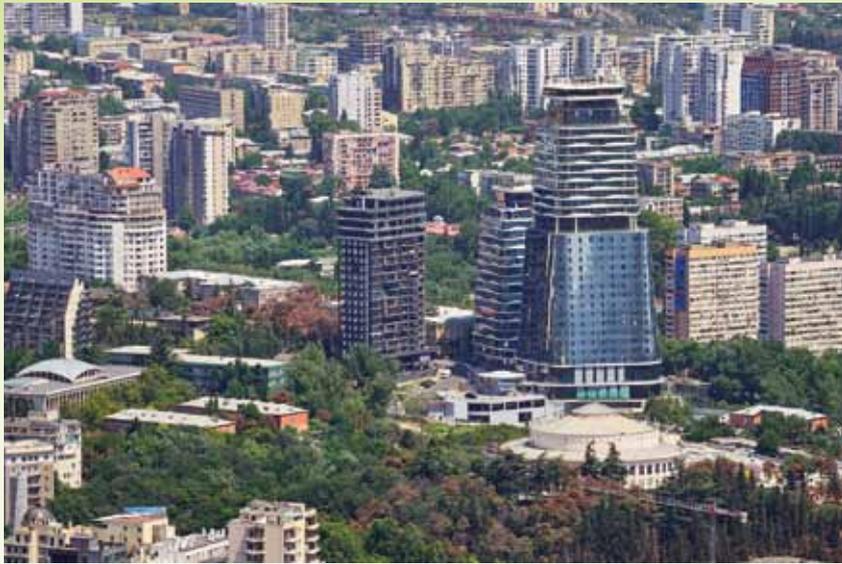
Если таким ужасом являются большие города Европы, для нашей маленькой страны тем более неприемлемо превращение Тбилиси в мегаполис. Искусственный рост населения Тбилиси был результатом коррупции чиновников и неправильной политики советских времен. Именно тогда деревенское население начало покидать свою землю. Грузинский крестьянин всегда любил землю, деревню, и городская жизнь его мало привлекала. С этой точки зрения деформация его менталитета стала для нас большой бедой. Опустевшими красивейшими землями Грузии завладели другие этнические группы. Необходимо остановить рост миграции населения в го-

род. Недопустимо и то, чтобы бесконечно расширялся город такой топографии, как Тбилиси. Забота государства о деревне, о крестьянине должна стать реальной; создание в селе культурной среды, основание профессиональных сельскохозяйственных училищ (опыт чего существовал в Грузии), строительство больниц и домов исправит дисбаланс, существующий между селом и городом, вернет население к земле. Об этом также должны заботиться все грузины, у кого есть соответствующая возможность. Обнадеживает, когда о Старом Тбилиси заботятся избранные представители общества.

Мы часто беседовали о проблемах города с Тенгизом Мирзашвили. Он думал о тбилисских топонимах, подвалах, судьбе архитектурных памятников. Старые городские топонимы хранили много тайн, указывали на прошлое города, быт, деятельность граждан, рассказывали о старинных легендах. Тбилисские топонимы были таким же кладом для нашего языка и сознания, как образцы фольклора: улицы Мама Давити (Отца Давида), Андрея Первозванного, Французов, Вардисубани, Цилканская, Театральная, Гимназическая, Коби, Гуниби, Душетская, Окрочмелта (Златокузнечная), Анчисхати, Солولاки, Красильная и многие другие. Даже их звуча-

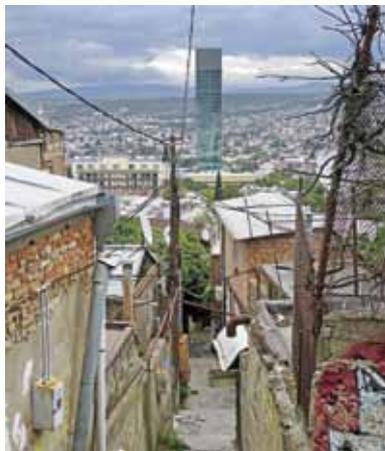
Михайловский мост

ние подсознательно оказывало влияние на формирование детской психики, будило в ребенке интерес к истории города, нации, развивало вкус. Мы отняли у будущих поколений то, законными наследниками чего они были, и пусть сегодня родитель не удивляется, когда слышит от своего чада фразу: «Короче, чересчур достойный билдинг!» В это возрождение мы внесли свою лепту. Тенгиз Мирзашвили считал, что тбилисская архитектура не будет полной и завершенной, пока подвалы домов забиты мусором и превращены в свалки. В Тбилиси, как и во многих южных городах, строители учитывали функцию подвалов. Арочные, зачастую, облицованные подвалы являлись частью тбилисского быта. Многие из них даже были расписаны. Чего стоит только то, что тбилисские подвалы сохранили нам шедевры Пиросмани: «Подвал всегда был полон клиентов, распивалось огромное количество вина и водки, а хозяин подвала, которого по-прежнему называли «художником Никала», всегда носил халат из сатина (Реваз Инанишвили, «Пиросмани»).

Упразднение подвалов – еще одно доказательство того бескультурья, которое управляло жизнью города. Сейчас население старается очистить и восстановить подвалы. Эта тенденция обнадеживает, и правление города должно способствовать этому процессу. Если подвалам вернуть их исконную функцию, тбилисские дома обретут свой органичный, совершенный облик.

Большой потерей для города стал и арочный зал третьего корпуса Национальной библиотеки, который, с его ренессансным масштабом, пропорциями и перспективой, являлся образцом высокого искусства. Боковые своды этого уникального зала сегодня заделаны и превращены в конторы. Вот так – перекрыли пространство, разум и чувства. Недопустимо полученный в наследство дворец превращать в курятник. Хотя что говорить о других зданиях, если в центре красивейшего района исторического Тбилиси, во дворе Академии художеств, построен высотный корпус – это оскорбительно как для художников, так и для горожан.

Еще раз вспомним, какой порядок царил в сфере строительства в Тбилиси XVIII века. В книге договоров тех времен один горожанин дает другому обещание: «Я купил дом

рядом с вашими домами, твой балкон смотрит на мой дом, и я даю тебе обещание, что не сделаю дом выше, чем он есть сейчас, чтобы он не был выше окон и двери твоего балкона».

В Тбилиси действовало т.н. «городское предписание», которое устанавливало правила строительства и эксплуатации домов в столице. Оно запрещало строить в Тбилиси такой дом, который причинил бы какой-либо вред дому соседа. Если кто-нибудь строил дом такой высоты, что дождевая вода, стекающая с его крыши, падала на крышу соседа, «городское предписание» принуждало хозяина снизить высоту дома. А сегодня оказывается, что гостиницу, построенную в Абанотубани, которая нанесла вред всему городу, правление города не может снести. Они, понимаете ли, не могут! Зато хорошо могут разрушать старинные исторические здания.

Каждый старый город имеет свои ориентиры, не искусственно созданные, бутафорные, подобно инородному телу, разрушающему взаимосвязи города, а естественно выбранные поколениями, исходя из логики города. Может, и чересчур скромные, но важные для всех. Такие ориентиры со течением времени даже становятся символом города. Одним из таких символов Тбилиси были старые уличные часы на углу Земмеля, там, где у знаменитой аптеки встречались друг с другом жители Сололаки и Ваке, Плеханова и Вере, Мтацминды и Чугурети. Для тбилисца этот маленький отрезок города и часы Земмеля были неоценимо дороги. С ними ассоциировалось как бы чувство бесконечного существования Тбилиси. Хорошо сказал Дато Маградзе: «Уличные часы, столп пульса Земмеля, предали забвению главы (города)». Вместе с ними предали забвению такую красивейшую часть Тбилиси, как Земмель, спуск Вере. Многие другие районы, улицы и дома города обрели на подобную же участь. И по сей день продолжают...

Не позволим сровнять Тбилиси с землей, не позволим.

Дом-музей Елены Ахвледяни

ЦАРСТВО ЭЛИЧКИ

■ Алена ДЕНЯГА

«Женщина с пронзительными глазами» (Елена Гоголева); «человечный человек», «откровенна до ужаса и честна до невозможности» (Леонид Варпаховский); «неугомонная, вечно в поиске, вечно молодая» (Верико Анджапаридзе)...

Это все о ней, об Эличке – народном художнике Грузии, лауреате Государственной премии им. Шота Руставели Елене Ахвледяни.

В традиционном грузинском доме в центре зала (дарбази) располагался деревянный с орнаментами столб «дэдабодзи» – мать-столб, он служил опорой дома. Так и квартиру Елены Дмитриевны украшает такой же столб, сделанный по эскизу художницы. Для своего окружения подобным столбом была сама Эличка.

Переступая порог этого удивительного Дома-музея, попадаешь в то время, когда здесь собирался цвет тбилисской и не только интеллигенции, накрывались столы, устраивались концерты, выставки друзей и молодых коллег. Здесь снимали «Теплое осеннее солнце» Темура Палавандишвили, «Покаяние» Тенги-

за Абуладзе. Словно магнит, ее дом на улице Киачели, 12 манил прикоснуться к чудесному миру высокого искусства, был местом притяжения прекрасного. Его стены помнят многих, они впитали в себя смех и голоса многочисленных друзей и гостей хозяйки дома. По словам ближайшей подруги художницы театроведа Натэлы Урушадзе: «Войдите в ее дом и дом заговорит с вами...»

Год спустя после ухода Елены Дмитриевны в 1976 году было принято решение открыть Дом-музей. Особо тщательно к мероприятию подготовился Серго Параджанов. А как могло быть иначе? Накануне события Сергей Иосифович купил на базаре молодого ягненка. Барашек был вымыт, высушен феном, ему сделали начес и повязали бант красного цвета. В день открытия был взят напрокат фаэтон. Под звуки шарманки фаэтон с Параджановым, естественно с барашком, режиссером Михаилом Кобахидзе с супругой и дочками в платьях XIX века подъехали к уже собравшимся гостям на Вере. По воспоминаниям очевидцев, «во всем этом была не столько игра, сколько искреннее жела-

Елена Ахвледяни. Фото А. Саакова

ние отдать дань уважения Тбилиси и тбилисцев одному из самых ярких дарований, рожденных на этой земле, как бы подчеркнуть любовь Елены Ахвледяни к старому Тифлису и любовь старого Тифлиса к ней».

Пятьдесят лет нет с нами Елены Дмитриевны. Но здесь все сохранено в том виде, что и при жизни Элички. Присутствие ее ощутимо. У этого дома есть душа...

По возвращении из Парижа, где прошла первая персональная выставка художницы, в конце 20-х годов Ахвледяни начала сотрудничество с великим Котэ Марджанишвили. Ведь это именно он увидел в молодой художнице потенциал талантливейшего

Рабочий стол художницы

сценографа и открыл ей новое пространство – театр. Константин Александрович считал, что живопись Елены «так декоративна, каждая картина так скомпонована», что она обязательно должна работать в театре.

В доме-музее сохранились эскизы декораций к постановкам по Карло Гольдони, Уильяму Шекспиру, Викторьену Сарду, Алехандро Касону, к операм Джузеппе Верди, Тихона Хренникова... Художница оформляла спектакли в театрах Тбилиси, Кутаиси, Москвы, Ленинграда, Киева...

А еще Елена Дмитриевна была блестящим иллюстратором. Здесь вы найдете работы к произведениям Важа Пшавела, Ильи Чавчавадзе, Марка Твена, Виктора Гюго, Генри Лонгфелло, Пьера-Жана де Беранже и многих других.

На протяжении всей жизни Елена Ахвеледиани собирала уникальную коллекцию народного творчества – керамику, предметы быта (деревянная посуда, плетеные изделия, ковры с национальным узором), которые она привозила из разных уголков

Грузии и других стран.

В музее представлены портреты Елены Дмитриевны кисти И. Тоидзе, К. Магалашвили, В. Шухаева, Л. Баяхчева, И. Федосовой и др.

Среди небольшой коллекции подаренных ей работ друзей-художников вы встретите пастель великого пианиста Святослава Рихтера «Московская улочка». В одном из писем Святослав Теофилович писал, что для него Елена Дмитриевна – не только друг, ведь она открыла его, как живописца, и он гордится, что первая его персональная выставка была именно в доме Ахвледзиани.

Отец художницы, Дмитрий Ахвледзиани, родом из Телави, был врачом. Ей было девять лет, когда семья переехала в Тбилиси. Еще с детства Елена – старшая из пяти детей, – отличалась добротой и независимым характером. Удивительно, что в год, когда

«... Когда мы с ней лазили, буквально лазили, взбираясь по узеньким переулочкам, закоулкам, тропкам старого города, часто выходя на балконы чьих-то домиков, наклепленных друг на друга и прямо повисающих над Курой или под скалистым обрывом, я поняла правду полотен Ахвледзиани. Ведь почти каждый домик, прилепившийся одной своей стороной к скале, другой выходящий на этот страшный обрыв, все эти ветхие, казалось, готовые рухнуть балконы-террасы были выкрашены в разные цвета. И на солнце точно горели всеми пятнами Элиной палитры...» **(Елена Гоголева)**

родилась художница, в Кахетии в апреле выпал снег. Возможно поэтому ее зимние пейзажи отличаются такой чистотой и трогательностью. Взять, например, Тбилиси зимой на ее полотнах – мастер словно коронует снегом любимый город, укутывает его в снежный покров, припорошивает Нарикалу, Метехи, дома с балкончиками и улочки, бегущие то вниз, то вверх. Нельзя оторвать глаз от мельчайших деталей – с какой продуманностью и нежностью выписаны ажурность и витиеватость старого Тбилиси – его шушабанды, дворики, калейдоскоп развевающегося белья и

окон – словно из цветной слюды...

Переходя от одной картины к другой, перед вами предстает колорит многоцветной Грузии, в которую невозможно не влюбиться так же сильно, как ее любила сама Эличка.

Перед нами фотоснимок Елены Дмитриевны – от него веет мудростью и добротой. Фотохудожник Александр (Алик) Сааков «считал» ее суть. Она была щедра к окружающим, несла добро и вселенная платила ей тем же – ее любили, к ней тянулись. А в ответ она делилась уроками мастерства.

«Больше, чем искусство, Елена Дмитриевна любила людей. Она одаривала их вниманием, заботой, лаской. Обожала детей, возилась с ними, учила рисовать, устраивала выставки рисунков, ставила с ними спектакли. И брала для этого самую что ни на есть серьезную классику. Так, к примеру, десятилетний соседский мальчик Робик Стуруа – сын ху-

дожника Роберта Стуруа – полвека назад сыграл в постановке Ахвледзиани ни много ни мало гоголевского Городничего» (из воспоминаний театрального критика Бориса Поюровского).

Она раздаривала картины своим близким друзьям, но в порыве могла подарить и совершенно незнакомым людям – если видела, что у них нет возможности приобрести ее работы.

Подходим к рабочему столу Мастера, и такое чувство, словно художница только вышла и вот-вот вернется к своему наброску: очки, краски, палитра и кисти ждут ее возвращения...

Когда перед тобой наследие такого человека как Елена Ахвледзиани, никакие слова не смогут передать восхищение и преклонение перед Мастером. Она любила гостей, ее двери были открыты для всех, и так остается по сей день. Поспешите, друзья, ей будет приятно!

Александр Гаситашвили

ВЕКОВАЯ ПЕЧАЛЬ...

■ **Нодар НИКУРАДЗЕ**

По итогам Первой мировой войны произошел распад Российской империи. 26 мая 1918 года грузинское правительство, которое возглавлял Ной Жордания, провозгласило независимость государства. Грузинская демократическая республика просуществовала менее трех лет. В феврале 1921 года отряды грузинских большевиков вместе с частями Красной армии сбросили меньшевистское правительство. Была образована Грузинская советская социалистическая республика. Однако очаги сопротивления оставались в некоторых районах вплоть до декабря 1922 года, когда Грузия вошла в состав Союза ССР.

К участникам сопротивления применялись крайне жесткие меры, вплоть до расстрела. Под тщательным надзором находились и возможные, потенциальные участники сопротивления в будущем. К ним причислялись и молодые люди из зажиточных

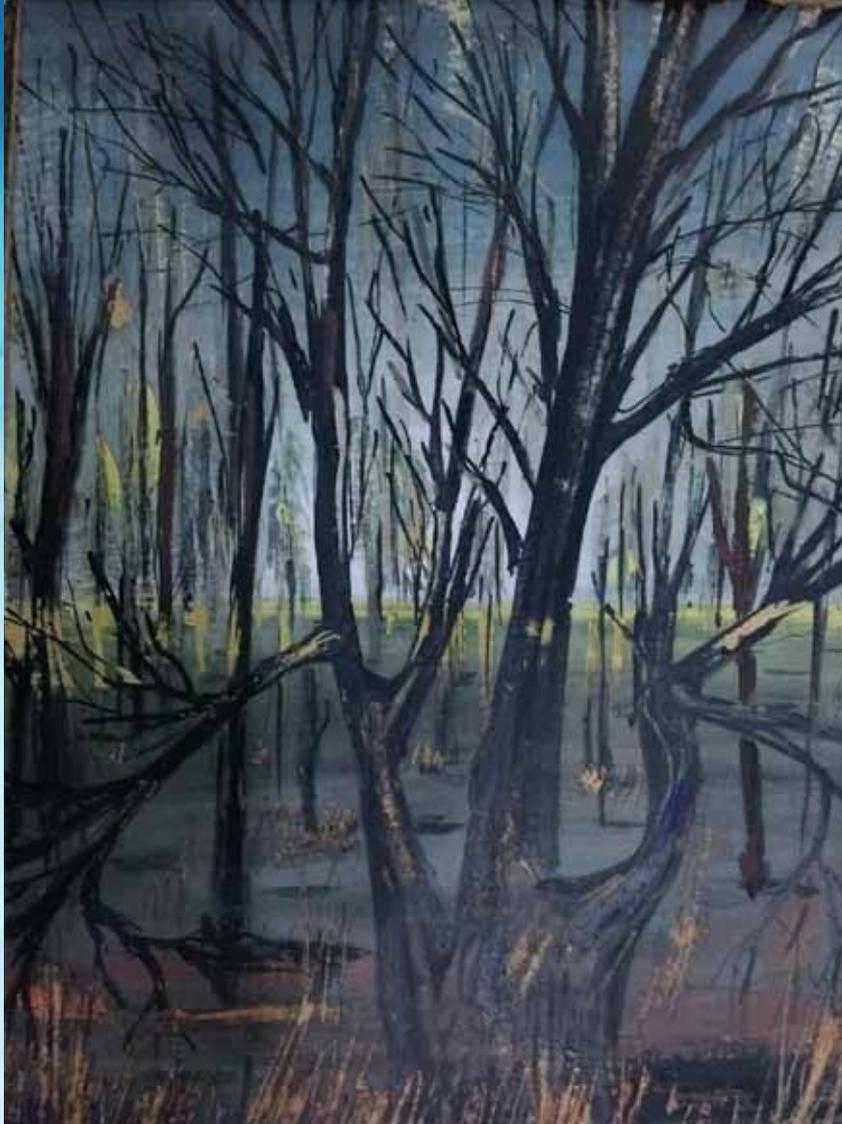
семей, которые не принимали участия в свержении власти, но по своему уровню образованности и мировоззрению были опасны для новой советской власти. Большевистское правление советской Грузии приняло «гуманное» решение высылать юношей из таких семей за границу, в том числе в Германию. Этому способствовало и то, что Германия была согласна принимать депортированных. Среди высланных в Берлин в 1921 году был и 23-летний Александр Иванович Гаситашвили.

Его отец Ваню Гаситашвили, житель города Гори, был успешным предпринимателем. Владел пекарней, имел лесопильное производство. К своим работникам он относился с теплотой и вниманием. Например, в обеденный перерыв за общий большой стол садились и члены семьи, и рабочие – и обедали все вместе.

У Ваню Гаситашвили и Натю

А. Гаситашвили с другом

Сохранившиеся рисунки А. Гаситашвили

Я так люблю твои порывы
И страстность юную твою....
Свои волненья и мотивы
Тебе, как солнцу, отдаю.

В твоих глазах – простор
лазури...

Его я так давно искал...
Ты вся – клочок весенней
бури
Среди высоких спящих скал.

Тебя я там среди них
заметил,
Твой нежный глас
услышал я...

С тех пор я радостен и
светел,
И расцвела душа моя.

Молчите, струны золотые, –
Звучит печалью песнь
разлуки,
А я хотел бы, чтоб другие
Ее напутствовали звуки.

Чтоб песнь звучала
пожеланьем
Счастливых дней, души
покоя,
Чтобы не знала о страданьях
Души, измученной тоскою.

Взглянул на Вас случайно я,
Вы у окна, склонясь, стояли,
И словно мир похороня,
Застыли в скорби и печали.

Вы все стояли,
Я смотрел.

Глядели вы куда-то в даль,
Где нет волнений и желаний,
Как будто Вам кого-то жаль,
Ушедшего на поле брани.

МНЕ НЕ НАДО ЛЮБВИ
Я от жизни уйду не словами
прощения,
Не с надеждой на тихий
покой,
А под гнетом страдания и

отвращения,
Проклиная весь жизненный
строй.

Мне не надо любви, в сердце
яд озлобления,
Очерствела душа вполне.
Я в ответ на любовь получал
лишь глумление.
Жажда счастья убита
во мне...

Часто детство мое
орошалось слезами,
Но теперь я не стану рыдать,
И предсмертный мой час не
в слезах, не с мольбами,
А с проклятием буду
встречать!

Весенний ветер веет снова,
А ты печальна и грустна.
Ты говоришь, что жизнь
сурова.
Я говорю: идет Весна!

Скорей, милая, к просторам,
Где так природа хороша...
Пусть славит Солнце
с птичьим хором
И наша тихая душа. ■

«ХВИЧА, Я МЕЧТАЮ ВСТРЕТИТЬСЯ С ТОБОЙ!»

■ **Тенгиз ПАЧКОРИЯ**

Футболист национальной сборной Грузии Хвича Кварацхелия за последние годы завоевал симпатии десятков миллионов болельщиков из разных стран. Своей техничной ювелирной игрой, природным артистизмом и искренностью Хвича, которому недавно исполнилось 24 года, создает на поле атмосферу настоящего праздника.

19 января 2025 года было официально объявлено о том, что грузинский футболист перешел из «Наполи» в «Пари Сен-Жермен» – самый титулованный клуб Франции, который лидирует и в текущем чемпионате страны, команду за которую играли такие звезды мирового футбола, как Неймар, Месси и Мбаппе. Хвича заключил контракт с «ПСЖ» до 2029 года.

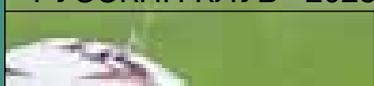
Дебют Хвичи в составе «ПСЖ» состоялся 25 января на стадионе «Parc des Princes» в домашнем матче чемпионата Франции против «Реймса». До начала матча состоялась церемония представления Кварацхелия, зрители встретили его овациями, среди болельщиков в этот день были и десятки уроженцев Грузии, проживающих в Париже, а также несколько грузинских журналистов, которые добрались из Тбилиси до столицы Франции, чтобы наблюдать за его первым матчем в составе «ПСЖ». Игроки «Реймса» достаточно плотно опекали Хвичу, не гнушась частым нарушением правил. В ряде эпизодов Хвича сумел показать свой высокий класс, в том числе и в том моменте, который привел к голу – Кварацхелия мастерски обвел нескольких соперников, выдал голевой пас Дембеле, и

тот отправил мяч в сетку ворот соперника.

А 7 февраля в матче между «ПСЖ» и «Монако» на том же стадионе «Парк де Пренс» Хвича забил свой первый гол за новую команду. При счете 1:1 он вывел «ПСЖ» вперед, искусно обведя защитника команды гостей и технично пробив по воротам «Монако». Игра завершилась победой «ПСЖ» со счетом 4:1.

Появление Хвичи в «ПСЖ» ждали миллионы поклонников его таланта, но особенно этого ждал 13-летний гражданин Франции и Грузии Николоз Утургаули – футболист парижского клуба «Villejuif». 13 лет ему исполнилось 25 января – в тот день, когда Хвича сыграл первый матч за «ПСЖ».

Николоз родился и вырос в Париже в семье грузинских эмигрантов, с 6-летнего возраста играет в футбол в детских клубах столицы Франции, в том числе один сезон за академию «ПСЖ». Отец Николоза Давид Утургаули и мать Саломе Копадзе всячески поощряют увлечение сына футболом и создают все условия для того, чтобы он успешно тренировался и учил-

Николоз Утургаули

ся в школе. «Мой отец, Николоз Утургаули, в конце 1950-х – начале 1960-х был футболистом, – рассказал мне Давид, – в молодости он играл в армейских командах СССР, но затем надо было выбирать – учеба или футбол. В силу обстоятельств он выбрал учебу, но любовь к футболу осталась в семье и передалась мне, я в детстве и юности также играл в футбол, но профессиональным футболистом не стал. Думаю, что мой сын Николоз имеет все возможности стать хорошим футболистом. Об этом я говорю не с позиции отца, а как человек, понимающий футбол».

Давид сказал, что его сын с неописуемой радостью встретил сообщение о том, что Хвича перешел в «ПСЖ». «Николоз мечтает встретиться с Хвичей и пожать ему руку. Думаю, что рано или поздно это произойдет, ведь Хвича любит общаться с юными футболистами, особенно с соотечественниками». По его словам, Николоз живет в ожидании встречи с Хвичей. «Мы собирались вместе с сыном пойти в ближайшее время на тренировку «ПСЖ», перехватить Хвичу у выхода и попробовать подойти к

нему, если получится», – сообщил он.

Но я предложил Давиду другой вариант – записать видеобращение Николоза к Хвиче. Семье Утургаули эта идея понравилась, и они красиво и романтично ее реализовали.

24 января, вечером – за сутки до матча «ПСЖ»-«Реймс» – Николоз Утургаули в своем видеобращении, записанном в Париже на стадионе «Stade Gabriel Thibault» после тренировки в составе «Villejuif», на грузинском языке обратился к Хвиче Кварацхелия, поздравил его с переходом в «ПСЖ» и пожелал ему успехов в составе самой титулованной команды Франции. «Хвича, я очень рад тому, что ты перешел в «ПСЖ», – сказал юный футболист. – Я желаю тебе, чтобы в составе «ПСЖ» ты забил много голов и сделал много ассистов. Хочу, чтобы ты своей яркой и красивой игрой привел в восторг поклонников футбола. Я мечтаю встретиться с тобой, пожать тебе руку и сфотографироваться на память».

«У меня 25 января день рождения, мне исполняется 13 лет, – добавил мальчик, – и я буду счастлив, если Хвича забьет хотя бы один гол в этот день или сделает голевой пас». И Хвича обрадовал Николоза, который 25 января отмечал свой день рождения и смотрел по телевидению матч «ПСЖ»-«Реймс».

Видеобращение Николоза, с согласия его родителей, я опубликовал в социальных сетях, и за несколько недель его посмотрели более 500 тысяч человек – жителей Грузии, Франции, Италии и других стран. Я также отправил запись опытному комментатору и журналисту Диме Оболадзе – ведущему популярной еженедельной спортивной телепередачи, которую он ведет по воскресеньям на ТВ «Имеди». Реакция Димы была мгновенной: 26 января в прямом эфире он рассказал телезрителям о Николозе, лично поздравил его с днем рождения, пожелал успехов и показал видеобращение юного футболиста.

Нам пока неизвестно, когда Хвича сможет встретиться с

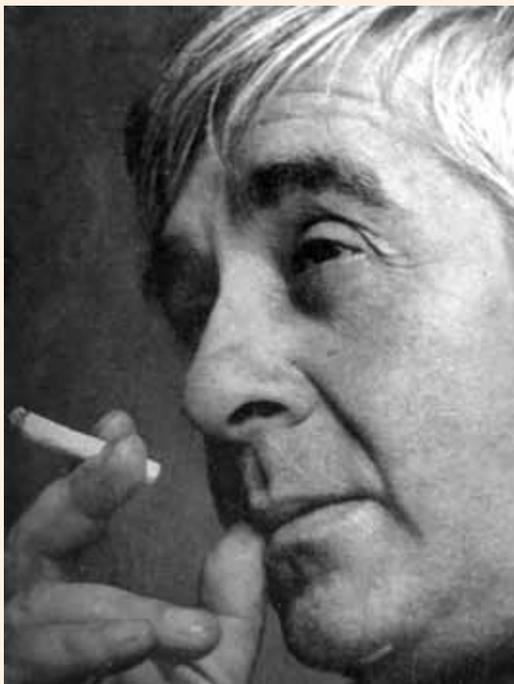
Николозом, ведь у футболистов «ПСЖ» очень плотный график тренировок и встреч в чемпионате Франции и Лиге Чемпионов Европы. К тому же Кварацхелия недавно присоединился к «ПСЖ», для него очень важен процесс вживания в новую команду, и у него очень мало свободного времени. Но мы верим, что эта встреча непременно состоится!

А нам остается добавить,

Николоз и Давид Утургаули

что 13-летний Николоз Утургаули мечтает играть за сборную Грузии – за юношескую, затем за молодежную и национальную. Он понимает, что для достижения этой цели необходимо очень много трудиться, тренироваться, соблюдать спортивный режим и все время совершенствовать свое мастерство. А сейчас он живет в надежде на встречу с любимым футболистом и в ожидании новых успехов Хвичи в составе «ПСЖ» и сборной Грузии.

ГОСПОЖА УСЫСКИНА Из «Тбилисских зарисовок»

■ Арчил СУЛАКАУРИ

Перевод с грузинского Камиллы Мариам КОРИНТЭЛИ

В редакцию журнала «Мнатоби» из Москвы приехала представительница журнала «Дружба народов» госпожа Усыскина, женщина уже пожилого возраста. К сожалению, я уже не помню ее имя и отчество. Она оказалась заведующей отделом прозы журнала. Целью ее командировки в Тбилиси был подбор произведений грузинской прозы для публикации в московском журнале.

Грузинскую поэзию она, можно сказать, знала довольно неплохо. О прозе не имела представления, но считала, что в стране столь блистательной поэзии безусловно будет такая же впечатляющая проза.

Я насколько мог ознакомил ее с процессами, происходящими в литературе того времени, назвал писателей, кратко передал сюжеты и проблематику их произведений и с сожалением отметил, что грузинская проза несправедливо игнорирована в Москве.

В тот период почти в каждом номере «Мнатоби» публиковались рассказы Георгия Леонидзе. Впоследствии эти рассказы, собранные воедино под заглави-

ем «Древо желания», выпустило отдельной книгой издательство «Накадули». Батони Гогла приносил в редакцию исправленную, исчерканную вдоль и поперек его правками рукопись, читать и разбирать которую было невероятно трудно, ее надо было попросту расшифровывать. Наша машинистка Мери Хизанишвили решила взять на себя великий труд – разобраться в рукописи и перепечатать ее. Перепечатанное с подлинником сверял я. Однажды я спросил батони Гоглу: «Эти рассказы вы пишете сейчас или они были раньше написаны?» Мне представлялось невозможным писать подряд такие замечательные рассказы один лучше другого. Уклонившись от прямого ответа, батони Гогла отшутился: «У меня есть один большой мешок, – сказал он мне, – я засовываю туда руку и вытаскиваю рассказ, что попадется, то и приношу», – ответил он и засмеялся.

Редко я работал над материалом с таким увлечением, как над рассказами Леонидзе. Я был в полном восторге, а со стороны раздавались и такие реплики за-

вистников: «Кто слышал – Гогла и рассказы!» Эти желчные критики время спустя восхваляли и превозносили «Древо желания» и его автора. Как раз после прочтения «Древа желания» я подумал, что пустое место в литературе появляется только лишь тогда, когда эта пустота заполняется.

Разумеется, я предложил госпоже Усыскиной ознакомиться с рассказами Гоглы Леонидзе и одновременно выразил свое восхищение.

«Может быть, вы как-нибудь познакомьте меня с ним», – попросила она.

Я немедленно позвонил в Институт грузинской литературы. К счастью, Гогла Леонидзе находился в своем кабинете. Я изложил ему суть дела – так, мол, и так, дама желает встретиться с вами. «Она молодая?» – внезапно спросил он меня. И я – и по сей день не знаю почему, может быть, потому что вопрос был неожиданным, – растерялся и солгал. «Да, – говорю, – молодая». – «Красивая?» – продолжил он допрос. «Ох, очень! – не смог отступить я. «Немедленно идите ко мне!»»

В Институте литературы царил невероятный порядок: все сотрудники сидели по своим местам и, головы не поднимая, работали. Я сюда нередко заходил к моим друзьям, но такого самоотверженного, напряженного труда сроду не видывал. Дверь приемной директора была открыта, и дверь его кабинета тоже была нараспашку, так что мы беспрепятственно вошли к Георгию Леонидзе. Батони Гогла тоже был занят работой, погруженный в книги и рукописи он будто и не заметил нашего прихода и головы не поднял. Пока мы сюда шли, я обдумывал, чем бы сгладить мою неловкость, и решил все обратить в шутку. Я громко приветствовал батони Гоглу и улыбнулся как ни в чем ни бывало и представил гостью:

– Госпожа Усыскина – заведующая отделом прозы журнала «Дружба народов», – возгласил я.

Георгий Леонидзе помолодому проворно поднялся с кресла, с любезной улыбкой глянул на даму, на один момент вроде бы замешкался, и бросил быстрый взгляд на меня, – я понял, что дело скверно, – галант-

но приветствовал гостью, подал ей стул, и уж потом обернулся ко мне:

– Слушай, кого это ты мне привел? – стараясь не подать виду, не выдать своего разочарования, спросил он меня, конечно, по-грузински.

– Вы же сами сказали – сейчас же приходите ко мне?

– Ну и что с того, что сам сказал?! А ты не сказал, что дама молодая и красивая?!

– Пошутил я, батано Гогла!

– Это что за шутка?!

Некоторые женщины, уже будучи немолодыми, умеют с помощью соответствующей косметики, одежды и природной кокетливости выглядеть моложе своего возраста и быть привлекательными. Но Усыскина, напротив, напоминала старый стереотип бабушки, этакой тихой незаметной старушки. Однако, стоило с ней заговорить и становилось ясно, что перед вами прекрасно образованный, глубоко интеллигентный человек.

Она ознакомила Георгия Леонидзе с целью и планом своего визита. Сказала, что журнал намерен уделить большое место грузинской прозе. Упомянула и меня, поблагодарила за то, что я хоть немного ввел ее в курс того, что происходит сейчас в грузинской литературе. Батони Гогла опять метнул на меня грозный взгляд. А мне в душе было забавно, что он не простил мне эту безобидную шутку. К тому же я знал по опыту, что он вскоре остынет и никакой обиды не будет.

Под конец госпожа Усыскина спросила его, как ей быть.

– Если вы разрешите, мы опубликуем рассказы в нашем журнале.

Георгий Леонидзе громко расхохотался.

– Что я могу сказать. Честно говоря, мне не очень нравится ваш католико-магометанский...

– А почему католико-магометанский?

– Потому что вы печатаете авторов исключительно из Прибалтики или из Средней Азии!

Госпожа Усыскина ничего не смогла ответить. Кажется, она растерялась. Она не поняла, шутит Георгий Леонидзе или говорит серьезно. Сказать по правде, я тоже смутился – я впервые

Георгий Леонидзе

услышал такую оценку этого журнала. А Леонидзе от души смеялся, и я понял, что дело пошло на лад.

Он поднялся со своего кресла и обратился ко мне:

– Дело обстоит не так, как ты воображаешь. Как бы то ни было, она – наш гость. Гостя нужно почитать! Иные, чтобы напечатать две-три строчки, туда-сюда бегают, а она сама к нам приехала. Видно и литературу нашу уважает.

Мы не ходили далеко. Вышли из Института грузинской литературы, перешли на противоположный тротуар и спустились в уютный небольшой ресторанчик «Гемо» («Вкус»).

Часа через два я проводил

гостью до гостиницы.

Это была наша первая и единственная встреча – больше я не видел госпожу Усыскину ни в Тбилиси, ни в Москве.

Прошло какое-то время, и рассказы Георгия Леонидзе в прекрасном переводе Элишбара Ананишвили появились в журнале «Дружба народов». Я как-то встретился с Георгием Леонидзе в Союзе писателей Грузии и напомнил ему госпожу Усыскину:

– А Усыскина все же провела свое, – сказал я.

Леонидзе улыбнулся доброй улыбкой, обнял меня за плечо и шутливо сказал:

– Да и ты не оплошал, всучил мне старуху.

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ЭТИМОЛОГИЯ

В Багдаде все спокойно

Шутливое выражение о том, что все в порядке и нет поводов для беспокойства.

Источник: фраза из кинофильма «Волшебная лампа Аладдина» (1966), снятого режиссером Борисом Рыцаревым, парафраз знаменитой строки из официальных донесений генерала Ф.Ф. Радецкого с фронта русско-турецкой войны 1877-1878 гг.: «На Шипке все спокойно». Это же выражение употребляется по отношению к тем, кто пытается скрыть плачевное состояние дел – Радецкий сообщал, что «все спокойно» в то время, когда его отряд обстреливался турецкими войсками с трех сторон, а измученные, голодные и плохо одетые солдаты замерзали.

В бананово-лимонном Сингапуре

Шутливая характеристика далекой «заграницы», прекрасного далека.

Источник: песня Александра Вертинского «Танго «Магнолия».

В бананово-лимонном
Сингапуре, в бури,
Когда поет и плачет океан
И гонит в ослепительной
лазури
Птиц дальний караван...

В воздухе пахнет грозой

Иносказательное выражение о надвигающейся опасности, о напряженной атмосфере.

Источник: песня «Тучи над городом стали» из фильма «Человек с ружьем» режиссера Сергея Юткевича. Слова и музыка были написаны помощником режиссера фильма Павлом Арманом по

просьбе актера Марка Бернеса, полагавшего, что песня поможет ему сделать свою роль в этом фильме более выразительной.

Тучи над городом стали,
В городе пахнет грозой.
По далекой по Нарвской
заставе

Парень идет молодой.
Далека ты, путь-дорога.
Выйди, милая, встречай.
Мы простимся с тобой
у порога,
Ты мне счастья пожелай...

В Греции все есть

Шутливое выражение в значении «у нас все есть, что вам может понадобиться».

Источник: водевиль А.П. Чехова «Свадьба», диалог грека-кондитера Дымбы и отставного коллежского регистратора Жигалова. Выражение стало крылатым и ушло в народ не из книги, а после экранизации водевиля с таким же названием.

Жигалов. А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ничего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ничего нету.

Жигалов. Гм... А кашалоты в Греции есть?

Дымба. Все есть.

Жигалов. А омары в Греции есть?

Дымба. Есть... Там все есть.

В гробу и в белых тапочках

Иносказательное выражение о надоевшем человеке либо о том, к кому говорящий испытывает презрение.

Источник: стихотворение Николая Анциферова «Крещение».

«Ах ты, думаю, дюжий идол!»
И смеюсь, закусив губу:
– Я сегодня во сне вас видел
В белых тапочках и в гробу.

Бригадир только стиснул зубы,
Рубанул еще парой фраз...
Ну, а вечером возле клуба
Увидали в обнимку нас.

Он втолковывал неторопливо:
– В шахте всяко бывает...
Лады? –

И, поскольку не было пива,
Хватанули фруктовой воды.

Кто б с тех пор ни пытался
обидеть,
Будь герой семи пядей во лбу,
Я смеюсь, закусив губу:
«Я во сне вас могу увидеть
В белых тапочках и в гробу».

Выражение получило широкую известность благодаря советским кинофильмам («Бриллиантовая рука», «Гараж», «Возвращение Будулая» и др.), где неоднократно использовалось в различных вариантах.

В деревню, в глушь, в Саратов!

Ироническое выражение о желании оставить городскую суету.

Источник: слова Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 4, явл. 14).

Не быть тебе в Москве,
не жить тебе с людьми;
Подальше от этих хватов.
В деревню, к тетке, в глушь,
в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пальцами сидеть,
за святыми зевать.

თბილისის ა. გრიბოედოვის სახელობის სახელმწიფო რუსული დრამატული თეატრი
Тбилисский государственный русский драматический театр им. А.С. Грибоедова

სეზონი 179
СЕЗОН 179

მარტი MARCH 2025

კ. გოლდონი
**მშვენიერი
ქართველი
ქალი**
კომედია ორ მოქმედებად
დამდგმელი რეჟისორი
ავთანდილ ვარსიმაშვილი

პრემიერა ПРЕМЬЕРА

21 მარტი
21 марта

К. Гольдони
**ПРЕКРАСНАЯ
ГРУЗИНКА**
Комедия в двух действиях
Режиссер-постановщик
АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ

1 შაბ. Сб.	ს. ალექსივიჩი С. Алексеевич 18.00	ჩარნობილის ლოცვა დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ МОЛИТВА Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
2 კვ. Вск.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 18.00	შინელი ფერია ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ШИНЕЛЬ Феерия в одном действии (Большой зал)	
7 პარ. Пт.	ნ. გოგოლი Н. Гоголь 19.00	შეშლილის წერილები ტრაგიკომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО Трагикомедия в одном действии (Малый зал)	
8 შაბ. Сб.	ა. ჩეხოვი А. Чехов 18.00	ძია ვანია დრამა ორ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ДЯДЯ ВАНЯ Драма в двух действиях (Малый зал)	
9 კვ. Вск.	ჰ.-ქ. ანდერსენი Г.-Х. Андерсен 13.00	ჭირვეული პრინცესა მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	КАПРИЗНАЯ ПРИНЦЕССА Музыкальная сказка в одном действии (Большой зал)	
14 პარ. Пт.	ს. მროვეცი С. Мрожек 19.00	ემიგრანტები კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ЭМИГРАНТЫ Комедия в одном действии (Малый зал)	
15 შაბ. Сб.	რ. კლდიაშვილი Р. Кладяшвили 18.00	ჩაი ოცნების თეატრი დრამატული კომედია ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	ТЕАТР МОЕЙ МЕЧТЫ Драматическая комедия в одном действии (Малый зал)	
16 კვ. Вск.	ა. გრინი А. Грин 13.00	ალისფარი იაღყნები მუსიკალური ზღაპარი ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	АЛЫЕ ПАРУСА Музыкальная сказка в одном действии (Малый зал)	
		პრემიერა	Премьера	
21 პარ. Пт.	კ. გოლდონი К. Гольдони 18.00	მშვენიერი ქართველი ქალი კომედია ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ПРЕКРАСНАЯ ГРУЗИНКА Комедия в двух действиях (Большой зал)	
22 შაბ. Сб.	ი. ტურგენი И. Тургенев 18.00	მდგმური მელოდრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	НАХЛЕБНИК Мелодрама в одном действии (Малый зал)	
23 კვ. Вск.	ა. ლინდგრენი А. Lindgren 13.00	კარლსონის თავგადასავალი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРЛСОНА Музыкальное представление в одном действии (Большой зал)	
28 პარ. Пт.	ი. ბუნინი И. Бунин 19.00	სიყვარულის ხეივანი საბედისწერო ისტორიები ორ მოქმედებად (დიდი დარბაზი)	АЛЛЕИ ЛЮБВИ Роковые истории в двух действиях (Большой зал)	
29 შაბ. Сб.	ა. ვარსიმაშვილი А. Варсимашвили 18.00	ალჟირი დოკუმენტური დრამა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	А.Л.Ж.И.Р. Документальная драма в одном действии (Малый зал)	
30 კვ. Вск.	ნ. კალატოვი Н. Калатош 13.00	მძინარე გზათუნახავი მუსიკალური წარმოდგენა ერთ მოქმედებად (მცირე დარბაზი)	СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА Музыкальное представление в одном действии (Малый зал)	

www.griboedovtheatre.ge
www.biletebi.ge

ცნობები ტელეფონებზე:
Справки по телефонам:

2-93-11-06, 2-93-43-36

თეატრის სამხატვრო ხელმძღვანელი ავთანდილ ვარსიმაშვილი
სახელმწიფო პრემიის ლაურეატი, კოტე მარჯანიშვილის სახ. პრემიის ლაურეატი

Художественный руководитель театра АВТАНДИЛ ВАРСИМАШВИЛИ
лауреат Государственной премии Грузии, лауреат премии им. К. Марджанишвили

СБОРНАЯ ГРУЗИИ ПО БАСКЕТБОЛУ ОБЫГРАЛА
СБОРНУЮ ДАНИИ СО СЧЕТОМ 62:60 И
ЗАВОЕВАЛА ПУТЕВКУ НА ЧЕМПИОНАТ ЕВРОПЫ
Фото: Georgian Basketball Federation

